

Кир Булычев

**УСНИ
КРАСАВИЦА**

Река Хронос

Кир Булычев

Усни, красавица

«ЭКСМО»

1994

Булычев К.

Усни, красавица / К. Булычев — «Эксмо», 1994 — (Река
Хронос)

Роман замечательного русского писателя Кира Булычева входит в серию психологически-интеллектуальных детективов о сыщике поневоле Лидии Берестовой.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Кир Булычев

Усни, красавица

Глава 1

Стрельба на рассвете

Именно случайности, большей частью невероятные, правят нашей жизнью. Хотя мы и делаем вид, что невероятные случайности происходят крайне редко. События понедельника 14 февраля 1994 года полностью подтвердили этот тезис, который Лидочка не хотела выдвигать, но который выдвинулся сам по себе.

Невероятные события начались примерно в шесть часов утра. Лидочке пришлось встать в эту немислимую рань, потому что Андрюша улетал в Каир на конференцию по коптскому искусству, а любящая жена была обязана приготовить своему рыцарю в дорогу сытный завтрак, проверить, не забыл ли он подтянуть подпругу, поправить перья на шлеме и вычистить «Пемоксолью» железные рукавицы, а потом, услышав, как к дому подъезжает такси, присесть на дорогу, помолчать ровно тридцать секунд и проводить мужа до выхода, нежно поцеловав его на прощание...

Лидочка подошла к окну, отодвинула занавеску, ожидая, когда Андрей покажется из подъезда. Возле машины он остановился, поглядел на кухонное окно и помахал Лидочке. Потом машина уехала, а Лидочка вернулась к столу допивать кофе. Было семь часов двадцать пять минут.

Допив кофе, Лидочка стала рассуждать, лечь ли ей досыпать или, раз уж поднялась, затеять уборку, которую собиралась устроить уже вторую неделю, но за делами, сборами и суматохой все откладывала. К тому же накопилась стирка, но включать стиральную машину, которая шумит, как самолет с четырьмя моторами, в половине восьмого утра нетактично – соседи решат, что началась война.

Лидочка стояла в неуверенности посреди кухни, когда услышала, что к дому подъехала машина. А так как переулочек в такое раннее время обычно тих и транспорт без особой нужды сюда не заезжает, то она предположила, что Андрей таки умудрился забыть дома нечто жизненно необходимое. Она кинулась к окну. Оказалось, что подъехало не такси, а белая «Тойота», откуда вылезла Лариска из шестой квартиры, существо глупое, злое и красивое, а из другой дверцы появился толстощекий молодой человек без головного убора, причесанный на косой пробор, одетый в пальто на пять размеров шире, чем следовало. Толстощекий оперся на крышу машины со своей стороны и давал Лариске какие-то указания, а она кивала и переступала с ноги на ногу – очевидно, торопилась в уборную. Все это было мало похоже на расставание влюбленных, но в любви ведь главное – не манера расставаний и встреч, а то, что происходит между этими событиями.

В тот момент, когда Лидочка поняла, что эта сцена ее не касается, и намеревалась отойти от окна, в переулок ворвалась еще одна машина, вишневая «Нива». Толстощекий обернулся в ее сторону. Вторая машина затормозила, поднимая облачко пухового, выпавшего за ночь снега. Когда она, почти остановившись, поравнялась с белой «Тойотой», стекла с этой стороны опустились и оттуда высунулись руки. При свете уличного фонаря Лидочка успела сообразить, что в руках были пистолеты. Это смахивало на американский боевик, и Лидочка догадалась, что за этим кадром неизбежно последует второй – вспышки желтого огня из пистолетов, падающие фигуры, кровь на снегу...

Так и оказалось. Началась стрельба. Толстощекий что-то кричал и отмахивался от вспышек, как от пчел, завопила Лариска и побежала к подъезду. Вокруг Лидочки гремело и звенело, «Нива» рванулась вперед, и Лидочка кинулась было к двери, но, вспомнив, что она в халате и шлепанцах, побежала обратно к окну. На снегу расплылось темное пятно, но возле пятна никого не было. Лидочка увидела, что Лариска тащит толстощекого к подъезду, а его светлое пальто испачкано, рука безжизненно болтается, а с пальцев льется тонкая струйка крови. Лариска, надрываясь, упорно волокла мужчину, понимая, что оставлять раненого на улице в двадцатиградусный мороз дожидаться «Скорой помощи» было для него убийственно.

В кухне резко дохнуло холодом, и Лидочка поняла, что окно разбито – остались лишь острые ножи стекла, которые стремились к середине, в одном из ножей была круглая дырочка с лучиками: в стекло угодило несколько пуль, хотя Лидочка могла поклясться, что стреляли в толстощекого, а вовсе не по ее кухонному окну на втором этаже.

Одна пуля попала в раму и пропилила в ней ровную полукруглую канавку, а когда Лидочка стала обозревать кухню далее, чтобы определить, что же еще натворили в ее доме участники расцветных боев, то увидела, что ее любимый белый кувшин, который она лет шесть назад купила в Таллине, разбился.

Законопослушный обыватель обязан вызвать милицию, если под окном убивают людей. Лидочка смахнула с телефона осколки и белую фаянсовую пыль, набрала «02» и стала объяснять сердитой девице, что звонит со Средне-Тишинского переулка, но девица оборвала Лидочку, сказав, что сигнал уже прошел и оперативная группа выехала.

Именно в тот момент, обозревая кухню, Лидочка подумала о том, насколько обычны в нашей жизни невероятные совпадения.

Во-первых, маловероятно, что настоящее покушение с участием автомобилей, красавиц и миллионеров, а тем более в семь утра, произойдет точно под окном твоей кухни. Еще менее вероятно, что ты будешь стоять у окна, а случайные и неслучайные пули будут летать вокруг тебя, бить твои стекла и посуду. С другой стороны, можно подумать: «Как мне повезло, что Андрюша успел покинуть поле чужого боя за пять минут до его начала!»

Но невероятные совпадения того дня, из которых складывается наша обыкновенная жизнь, еще только начинались.

И они были скорее грустными, чем забавными. Разумеется, спать совсем расхотелось, и Лидочка стала ходить вокруг телефона и ждать, когда любящий муж позвонит из Шереметьева, чтобы сообщить, как хорошо он доехал до аэропорта, и она на это скажет ему, что только что вышла из-под обстрела. Потом Лидочка решила, что из Шереметьева дозвониться нелегко, но продолжала надеяться, только вынесла телефон в коридор и закрыла дверь на кухню, пока из квартиры не выдуло остатки тепла.

Раз телефон молчал, Лидочку подмывало позвонить кому-нибудь из знакомых и сообщить о том, что она пережила перестрелку. Но тех, кого она любила и кого могли заинтересовать ее приключения, было жалко будить. А тем, кого будить не жалко, было плевать на приключения Лидочки. Так что она накинула пуховик и возвратилась к окну, чтобы сверху наблюдать прибытие «Скорой помощи» и милицейского «жигуленка». Их встречала Ларискина мамаша в лисьей дочкиной шубе внакидку. Эта тупая страхолюдина просто лучилась счастьем, потому что оказалась в центре внимания.

К тому времени уже весь дом проснулся и был в курсе событий. Наверху топали, внизу слышались голоса, и все недостатки массового типового строительства в то незадачливое утро стали особенно очевидны. Можно было слышать, как время от времени хлопала входная дверь, и тогда Лидочка приклеивалась к окну, чтобы не пропустить продолжение этого увлекательного фильма.

Через какое-то время медики вынесли из подъезда носилки с раненым. Лариска бежала рядом. Несмотря на сопротивление врачей, она все же залезла в карету «Скорой помощи» и укатила в больницу со своим капиталистом – пожалуй, она решила полюбить его за муки.

Карета уехала. Стало уже совсем светло. В дверь позвонили, и Лидочка почему-то решила, что принесли почту.

Она подошла к двери и спросила:

– Почта?

Приятный баритон ответил вопросом:

– Ну какая может быть почта, гражданка, в восемь часов утра?

Лидочка внутренне согласилась и открыла дверь.

За дверью стоял милицкий лейтенант лет тридцати, высокого роста и самоуверенной красоты, выдававшей в нем не очень умного человека.

– Извините, – сказал он, не делая попытки войти в квартиру или совершить какое-нибудь иное насильственное действие. – Здесь на площадке холодно и дует, а вы практически босиком. Вернитесь, пожалуйста, в квартиру.

Этими словами он растрогал Лидочку, и та сказала:

– Заходите, заходите, вы, наверное, по поводу стрельбы?

Лейтенант вошел и остановился в прихожей.

За его спиной обнаружился ранее не замеченный комендант Каликин в старой боевой шинели с нашитыми на нее орденовыми планками. Такие же комплекты были прикреплены к его кителю, пиджаку и спортивной куртке. Лидочка подозревала, что и к халату, но в халате ей видеть коменданта не приходилось.

– Я могу разуться, – сказал лейтенант.

– Не надо, я вас прямо на кухню поведу, – сказала Лидочка. – Они вели стрельбу по окнам.

– Старший лейтенант Шустов, – сообщил милиционер, – Андрей Львович. Из восьмидесят восьмого отделения милиции. Провожу дознание по поводу стрельбы, которая имела место у вашего дома.

Он говорил так, словно заранее составлял протокол. Отрепетировал и перепишет на бумажку.

– Смотрите, – сказала Лидочка и почувствовала, как в ней постепенно растет праведный гнев. – Вы только посмотрите, во что они превратили мою кухню. Вы не боитесь мороза?

Она открыла дверь на кухню. Там стоял жгучий мороз.

Комендант Каликин отпрянул, но лейтенанта холод не пугал.

– Оставайтесь в помещении, – приказал лейтенант Андрей Львович Шустов. – Или наденьте какие-нибудь валенки – на вас смотреть страшно. Верное воспаление легких.

Он прошел к окну и стал разглядывать его разбитую створку.

– Надеюсь, вас рядом не было? – спросил он.

– Вот именно, – ответила Лидочка. – Я тут и стояла.

– Ясно, – сказал Андрей Львович. – На шум побежала. Как мотылек на свет фонаря. Я точно выразился...

– Лидия Кирилловна.

– Вот именно, Лидия Кирилловна. Сотни людей, не менее достойных, чем вы, находили свою смерть по причине любопытства.

– Я больше не буду, – сказала Лидочка. Ей стало спокойно, потому что при таком человеке ничего плохого произойти не могло. Она пошла в спальню и крикнула ему оттуда: – Андрей Львович, вы пока изучайте, а я оденусь. В самом деле, неудобно.

– В самом деле, – согласился Андрей Львович. – И на ноги что-нибудь потеплее. А потом принесите мне плед, пожалуйста.

– Плед?!

– Или одеяло! – закричал комендант. – Мы пока прикроем окно.

Лидочка быстро оделась. Она слышала, как старший лейтенант прошел по прихожей, выглянул на лестницу и кому-то крикнул:

– Ты зайди сюда, Смирнов, ты посмотри, как общественность страдает!

Сразу же по прихожей затопали сапоги, и голос тонкий, вовсе не начальственный, подтвердил из кухни:

– Черт знает что делают.

Второй милиционер оказался капитаном, низеньким, животастым, ему было зябко и не очень интересно. Лидочке показалось, что он больше всего хочет возвратиться в их теплое тесное восемьдесят восьмое отделение, которое было ей известно по всевозможным паспортным делам. В прошлом году она как раз теряла паспорт и восстанавливала его, ожидая своей очереди в узком коридоре, по которому очень деловито проходили парни в штатском – видно, спешили ловить опасных бандитов, а те милиционеры, что в форме, курили на крылечке, рассуждая о ремонте машин.

– Вы сюда не заходите, Лидия Кирилловна, – сказал Андрей Львович. – Обязательно схватите воспаление легких.

«Наверное, у него с этой болезнью связаны какие-то жуткие воспоминания, – подумала Лидочка. – Может быть, она унесла всю его семью».

Лидочка послушно закрыла дверь на кухню. Все равно квартира выстудилась. Даже хотелось надеть пальто и сапоги, но как-то неловко было ходить в таком виде по собственному дому, когда воспитанный Андрей Львович свою шинель снял и теперь терпел на кухне жгучий мороз. Из кухни выскочил комендант Каликин, воротник шинели был поднят, шапка нависла над костяным носиком, нижняя губа отвисла и дрожала от холода.

– Ремонт надо делать, – сообщил он, прикрывая дверь. – Срочно нужен стекольщик, а где его найдешь?

– Вы мне поможете? – спросила Лидочка и обрадовалась этим вопросом коменданта.

– Нелегко, – сказал он, – но для вас как пострадавшей я обязан, слово ветерана!

Серые глазки ветерана слезились от холода.

На кухне шел спор и проникал сквозь дверь.

– А я что могу поделывать? Он вчера обещал камеру починить. Обещал? – это был голос толстенького капитана.

– Ну почему у вас все ломается именно тогда, когда нужно срочно? – сердился лейтенант Шустов.

– Знаете, у вас, оперативников, все просто – догнал, поймал, пристукнул, – гневался толстенький капитан, отступая из кухни под напором лейтенанта Шустова. Он открыл дверь и вместе с волной мороза выкатился в коридор.

– Ну почему ты ее не задержал? – спросил лейтенант.

– А как ты ее задержишь, если она не в свою смену вышла и ей ребенка в детский садик вести?

Они надвигались на Лидочку и совсем было притерли ее к стенке, но на помощь пришел комендант.

– Товарищи милиция, – сказал он. – Вы мне жилищку совсем замордовали. Она человек случайный, но жертва. У нас как бывает – стреляют, наводят беспорядок, а в результате наблюдаются жертвы из мирного населения.

Лидочке порой казалось, что костеносый комендант начитался рассказов Зоценко и старательно подражает их персонажам.

– А Кацнельсон где? Разве у него камеры нет?

– Кацнельсона я поднимать не буду, он сутки отдежурил, – ответил капитан.

– Но нельзя же, в самом деле, зимой человека с разбитым окном оставлять, – заметил лейтенант Шустов.

– Пускай гражданка часа три потерпит, я в райотделе кого-нибудь попрошу.

– Как так потерпит? – возмутился комендант. – Чего она потерпит?

– Пока придет фотограф, – ответил толстенький капитан. – Мы должны снять следы на кухне.

– А где раньше были? – строго спросил комендант. – Ведь на улице тетка снимала – и в подъезде. Я сам видел.

– Тетка уехала, – ответил лейтенант. Он чуть улыбнулся. Почему-то сравнение фотографа с теткой его развеселило.

– А вы пока и пригрейте вашу соседку, – буркнул толстый капитан.

– Соседку? – комендант вдруг обиделся. – Я здесь работаю, а проживаю в другом районе.

– Так пригрейте в другом районе, – сказал капитан, проталкиваясь к двери.

– Во-первых, – рассудительно ответил комендант, – каждый знает, что у меня третий месяц сестра из Чечни, бежавшая с тремя детьми, живет. Во-вторых, как, простите, гражданка Берестова будет оставлять квартиру без присмотра, да еще с открытым окном?

– Ну, сюда не залезут, – сказал с лестницы капитан.

– На второй-то этаж? – комендант даже обиделся. – На второй этаж запрыгнуть можно. Позову Бубку, он и прыгнет.

«Нет, наверное, он успел с утра выпить, – подумала Лидочка. – Уж очень образно мыслит».

– Да обойдетесь вы без этих фотографий! – рассердился комендант. – Пишите протокол. Пожалейте интеллигентного человека!

Никогда раньше Лидочка не ощущала такой теплоты и заботы со стороны Каликина.

– У нас, – сказал заботливый комендант, – пока что нужного размера стекла есть, а завтра уже не будет.

– Нет, – прогудел баритон Андрея Львовича. – Мы тогда оставим все как есть, а в десять я лично подниму Осипа Давыдовича, и мы его пошлем сюда сделать фотографии.

– Так, – сказала Лидочка. – Мне надоело мучиться. Какой вам нужен фотограф?

– Понимаете, – красивый Андрей Львович попытался донести до ее сознания, что дважды два четыре. – Мы имеем дело с вещественными доказательствами серьезного преступления. Характер повреждений вкупе с баллистической экспертизой могут помочь нам определить преступников.

– И что же вас останавливает? – спросила Лидочка, словно не догадываясь о милицейских проблемах.

– Как всегда, – развел руками лейтенант. – Техника подводит.

– Пока мы все не умерли, – сказала Лидочка, – я вам сделаю нужные фотографии. А вы за это оставите меня в покое.

– Лидия Кирилловна, – вежливо произнес Андрей Львович. – Вы меня не так поняли. Мне нужны не любительские фотографии, а профессиональные. Это нелегкая и специфическая работа. Поэтому я советую вам поехать куда-нибудь к родственникам, погреться...

– А я не советую оставлять квартиру без присмотра, – резко возразил рыцарь Каликин. – Мало ли кто теперь под видом проникает?

– Пожалуйста, выслушайте меня, – произнесла Лидочка, стараясь не стучать зубами. – Я работаю в музее, фотографирую всевозможные специальные объекты, например, насекомых или растения. Для научных изданий. Мои фотографии печатались во многих странах – это не любительские фотографии. Я могу точно воспроизвести на пленке любой предмет, в нужном вам масштабе. А для того чтобы вы поскорее ушли и позволили товарищу Каликину вставить

мне стекла, я готова потратить на ваши цели «Кодак» и доставить фотографии по назначению через два часа.

– Нет, спасибо, – ответил твердо Андрей Львович. – В любом деле должен быть профессионал. Одни фотографируют бабочек, а другие – трупы.

– Какое счастье, – не выдержала Лидочка, – что вам сегодня не досталось ни одного трупа, а то пришлось бы их зарисовывать.

– Слушайте, Лидия Кирилловна, – решил помочь ей Каликин, – вы им покажите какие-нибудь журналы. Может, проникнутся?

Лидочка отрицательно покачала головой.

Она взяла с подоконника мокрого Ваню – как-то привезенное с юга и безумно разросшееся растение, о котором в суматохе забыла. Вернее всего, на таком морозе мокрый Ваня погиб.

– Не смейте! – закричал Андрей Львович.

– Оставьте меня в покое, – совсем уж рассердилась Лидочка. – Мы не можем с вами до бесконечности стоять в моей кухне и губить растения только потому, что вы не умеете работать.

– Это мы еще посмотрим! – воскликнул Андрей Львович. Но толстый капитан, вернувшийся от двери, потянул лейтенанта за рукав. Ему не терпелось уйти.

– А пускай она снимет, Андрюша, – сказал он. – А то в самом деле только время теряем.

Андрей Львович изобразил грозный взор. Он никак не мог придумать достойного пути отступления.

Тогда Лидочка, обняв холодный глиняный горшок с поникшими ветвями, ушла к себе в комнату. Ей показалось, что там тепло, как на июльском пляже. Хотя она понимала, что это тепло – лишь видимость и даже здесь температура приближается к нулю, что плохо отразится и на других цветах, стоявших на окне.

Открыв шкаф, Лидочка вытащила «Минолту», в которую как раз был заряжен «Кодак-лор» и оставалось еще полпленки. Вспышка на «Минолте» была хорошая, кольцевая.

Ей хотелось произвести впечатление на этого упрямого красавца.

Когда она возвратилась на кухню, Андрей Львович вел телефонный разговор со своим отделением. Капитан исчез, комендант подпрыгивал от холода, и полы шинели ритмично взлетали.

– Что снимать? – спросила Лидочка.

Андрей Львович сдался и доступно объяснил Лидочке ее простую задачу: сфотографировать разбитое стекло, канавку в раме, а потом найденную возле дальней стены пулю и выщерблину на стене. Лидочка спросила, стоит ли сфотографировать осколки белого кувшина, но Шустов ответил, что кувшин его не интересует.

Лидочка приложила к раме прозрачную полуметровую линейку с делениями для масштаба. Никто ее не похвалил за такой научный подход к делу, но никто и не помешал приложить линейку. Когда Лидочка сфотографировала щербину на дальней стене и пулю на полу, Андрей Львович оторвал в туалете от рулона кусок бумаги и, завернув в нее пулю, положил в карман.

Во время работы Лидочка чуть согрелась – но эта иллюзия исчезла через минуту после того, как закончила снимать. Она поспешила к себе в комнату и там стала дышать на пальцы, чтобы их согреть.

Вскоре заглянул лейтенант.

– Мне надо с вами поговорить, – сказал он.

– Фотографии я вам сделаю к вечеру. Время терпит?

Она знала, что время терпит, и лейтенант знал, что время терпит.

– Не спешите, – сказал он. – У нас бы они раньше чем послезавтра не отдали. То бумаги нет, то фиксаж кончился. Обеднели, стыдно признаться. С этим надо кончать!

С чем надо кончать, Лидочка не поняла.

– Если вам удобнее, – совсем уж миролюбиво закончил лейтенант, – то давайте поговорим в отделении. А потом уж следователь в прокуратуре с вами встретится. Тут пахнет организованной преступностью, а такие дела ведутся там.

Старший лейтенант показал пальцем на потолок, где положено заниматься организованной преступностью.

– А когда вы хотите меня видеть? – спросила Лидочка.

Они стояли в прихожей. Дверь на кухню была закрыта, но из-под нее тянуло холодом.

– Вот комендант вам стекла вставит, вы к нам и заходите. Я еще по улицам пройду – но вряд ли кто-то что-нибудь видел. Может, вы и будете наш единственный свидетель.

– К счастью, я ничего особенного не видела, – поспешила ответить Лидочка. – И интереса для преступников не представляю.

– Не шутите этим, – сказал старший лейтенант. Он был катастрофически лишен чувства юмора.

– Так я пошел за стеклом? – спросил комендант.

– Идите, идите, – велел лейтенант.

– А кто оплатит материал и работу? – спросил комендант у Андрея Львовича.

Тот пожал плечами. И Лидочке был ясен этот жест – «я эти окна не бил, почему меня нужно спрашивать?».

Комендант ушел за милиционером. Он поклялся, что тут же будет обратно – одна нога здесь, другая там. Не успеешь замерзнуть. По крайней мере, до смерти не замерзнешь.

Теперь, когда все убралось из дома, можно либо спрятаться в спальне, либо пойти на лестницу – там теплее. Но там можно встретить кого-нибудь из любопытных соседей. Сейчас бабушки и домохозяйки пошли гулять с собаками, а прогулки с собаками заменяют давнишние прогулки по главной деревенской улице – к середине улицы все новости уже известны.

Придерживая воротник пуховика, Лидочка подошла к окну. Уже совсем рассвело, снег был куда светлее сизого неба. Несколько ворон расселись на ветвях тополей в детском садике на другой стороне переулка. По очереди они слетали вниз, на мостовую, на снег, ходили возле кровавых пятен, разглядывая, но не трогая их. Собака, из непородистых, что развелись за последнее время в доме, – таких дешевле кормить, – потащила Рыжову из второго подъезда к красному пятну, а хозяйка стала оттащить собаку и тут же натолкнулась на председателя кооператива Добровольского, в вышедшей из моды пыжиковой шапке пирожком и с толстой тростью, – тот уже, конечно, все знал и занял пост возле кровавых пятен, чтобы популярно разъяснить обитателям дома суть ночных событий.

Лидочка оторвалась от окна, под которым собрались уже человек шесть, не считая собак, и кто-то уже кинул взгляд наверх, на разбитое стекло ее кухни.

Вскоре пришел комендант. Он вел себя как заговорщик, посвященный в страшную тайну. Сразу прошел на кухню, поставил стекла к стенке и выглянул в окно. Потом стал вытаскивать из затвердевшей и замерзшей замазки зубы стекол и притом покрикивал на зевак, чтобы шли по своим делам, нарочно привлекая этим к себе внимание.

Лидочке казалось, что с приходом коменданта сразу стало теплее, и она даже вознамерилась пойти к нему на кухню, чтобы поставить чайник и согреть отважного мастера, но тут зазвонил телефон.

Этот звонок относился к области совпадений, потому что Татьяна Иосифовна Флотская не смогла бы застать Лидочку дома – не будь рассветной перестрелки, она бы уже ехала на работу. Так что пуля, неточно выпущенная из автомата в Средне-Тишинском переулке, послужила толчком к дальнейшим невероятным событиям.

Лидочка прошла с телефоном в туалет, куда не так громко доносились удары коменданта, который отбивал замазку, и спросила, кто звонит.

– Простите, – произнес капризный женский голос, за которым Лидочке почудилась средних лет аристократка в китайском атласном халате. – Правда ли, что я говорю с Лидией Кирилловной Берестовой?

– Это вы? – почти догадалась Лидочка. – Это вы, Татьяна Иосифовна?

– Только не надо утверждать, что ты со мной знакома, – отозвалась аристократка. – Если я тебя и видела младенцем или качала на коленке, то совершенно запамятовала этот исторический момент. Но я рада, что ты меня все же отыскала. Честное слово, рада. И чтобы услышать твой голосок, я прошла больше километра до телефона-автомата – единственного средства связи нашего поселка с городом. И если у нас случится беда, надо будет вызвать «Скорую», то я со всей ответственностью утверждаю, что машина приедет через неделю после смерти больного!

– Но где вы, Татьяна Иосифовна?

– Разве я тебе не сказала?

– Нет еще.

– Я получила зимнюю дачу, от «Мемориала». Слышала о такой организации?

– Разумеется.

– Ты можешь называть меня тетей Таней, правда, если сочтешь это возможным.

– Спасибо.

– Поняла. Я привыкла к обертонам в чужих интонациях. Следовательно, пока я для тебя – Татьяна Иосифовна. Кто там у тебя стучит?

– Окно разбилось, – сказала Лидочка. – Сейчас вставляют новое.

– Ты на каком этаже?

– На втором.

– И, конечно же, без решеток. Одинокая женщина без решеток на окнах второго этажа – верная кандидатка на изнасилование. Тебе кто-нибудь об этом говорил?

– К сожалению, пока что нет. К тому же я замужем, только мой муж в командировке.

– Считай, что ты получила бесплатный совет и поторопишься его исполнить. Или подвергнешься нападению. Ты что молчишь? Ты подверглась?

– Простите, Татьяна Иосифовна, – произнесла Лидочка. – А нельзя ли мне все рассказать вам при встрече?

– Ты хочешь меня повидать?

– Да.

– У тебя ко мне дело или сентиментальные переживания?

– Простите, дело.

– Замечательно! Ненавижу лицемеров. И дело требует личной встречи?

– Да.

– Странно, я не думала, что у нас с тобой могут быть дела. Честно говоря, я вспоминала о твоем существовании раза три в жизни, когда листала семейный альбом и видела фотографию твоей бабушки. Она умерла?

– Да, – ответила Лида. – Она умерла.

Из кухни донесся пронзительный скрип, затем частые удары и треск. Лидочка догадалась, что комендант надрезал алмазом полосу стекла, а затем, постучав по краю ручкой резака, отломил ее.

– Разумеется, Лидочка, я рада, что ты меня отыскала. Так тяжело терять близких... Но я думаю, что ты искала меня не из-за родственных чувств.

Когда-то Маргошка Потапова жаловалась на свою дочку, что растет она – исчадием советской эпохи. Это были слова Маргошки. Маргошка имела все основания так рассуждать, проведя лучшие годы рядом с вершиной власти, и, какие там выводятся исчадия, знала отлично. Таня училась в сто десятой школе, с младенчества знала, что такое персональная машина и

почему ей не надо готовить домашних уроков – все равно похвалят и переведут. За это, за маму и папу, арестованных в начале войны, она была жестоко и несправедливо наказана. Ее выслали из Москвы в сорок шестом году, в день, когда она получила серпастый и молоткастый паспорт. Страна успешно завершила борьбу с бесчеловечным нацизмом, комсомольцы совершали все новые подвиги, а девочка Таня Флотская ехала по этапу на восток, потому что на нее давно, уже несколько лет, лежала убийственная разрядка – как подрастет и изготовится мстить за родителей – тут же изолировать. В последующие годы избалованную пухлую, добрую, хорошенькую девушку Таню Флотскую били, насиловали, морили голодом и холодом. Она под гнетом этой немыслимой жизни коренным образом изменилась и выросла бабой наглой, хитрой, жадной и лживой, она стала тусклым исчадием советской эпохи и научилась в ней безбедно существовать. Но не более того – существовал некий мистический барьер, который вставал на ее пути, как только судьба подводила ее к богатству или к счастью. Миновать этот барьер она так и не смогла.

В лагерях она пробыла недолго, зато несколько лет съела ссылка в Муйнаке, притулившемся с юга к Аральскому морю. Была она кастеляншей, библиотекарем, санитаркой и даже поварихой в рыболовецкой артели и твердо усвоила, что за пайку надо платить.

Несмотря на тяготы юности, выросла она знойной красавицей, такой, что никогда не догадешься, что она прошла через гнилые вертепы, а казалось, что это сытое, отмытое и умащенное благовониями балованное дитя гарема.

В Нукусе она окончила пединститут, ей пришлось выйти там замуж за преподавателя марксизма-ленинизма, тоже из бывших, потом ее понесло от мужика к мужику, все они попадались умельцы получать свое и не дать Татьяне заслуженной доли. В путешествиях по стране она сменила несколько мужей и любовников, прижила с одним из них дочку Аленку, сама все толстела от романа к роману. Наконец осела в Москве, подкинула дочь Маргарите, бросила мужа-профессора взамен на деловитого, уставшего от московских интриг корреспондента «Юманите». Это была перспектива заграницы и настоящих денег. Но счастье лишь поманило. В душный день на экскурсии в Сухуми Мишель умер от инфаркта. Бывший муж не принял обратно раскаявшуюся Татьяну.

Бежали годы, и даже косметические вмешательства не могли удержать расплывающееся лицо и мягкое тело Татьяны. Каинова печать неудачного брака с иностранцем зарубила маленькую карьеру. Пришлось заниматься переводами по журналам и даже кое-какой распродажей подарков, за каждым из которых скрывалась романтическая страсть прошлых лет. Обнаружилось, что жизнь пролетела слишком быстро и виноваты в том большевики. Когда же большевики начали терять власть, Татьяна догадалась, как можно использовать их падение, чтобы извлечь шерсти клочок из губителей ее молодости. Она быстро и крепко прижалась к «Мемориалу», организации бывших политических заключенных и иных жертв сталинского режима. И там, использовав опыт лагерной и ссыльной жизни да многолетних интриг, вскоре достигла определенных высот. По крайней мере, ей досталось почти постоянное место в писательском Доме творчества «Переделкино», достойная пенсия, возможность давать интервью и дважды в год ездить за рубеж в качестве писательницы, так как Татьяна писала беллетризированные мемуары, и первый том уже увидел свет. Ее книга раскупалась потому, что в девяносто первом году откровенные признания дочери Марго Потаповой, любовницы Сталина и жены генерала НКВД, прошедшей лагеря и тюрьмы, утоляли читательскую страсть к темным тайнам прошлого. Со второй книгой дело застопорилось, и Татьяна не могла отыскать издателя – за три года сменилась мода: о лагерях, Сталине и генералах читать не хотели. Но сам факт причастности к разоблачительному процессу и надежда на итальянскую литературную премию для узников тоталитаризма обеспечивали Татьяне Иосифовне некую нишу в мире бывших мучеников. А в то же время Татьяне не хватало именно советской эпохи. В ней она выросла, в ней страдала и в ней прожила все свои взлеты и падения. В новую демократию она не верила, и торгаши

ее искренне раздражали, хотя по избранной за нее историей роли ей приходилось избегать дружбы с коммунистами. Когда-то давным-давно она подкинула свою маленькую, прижитую в неудачном союзе дочку Маргошке и умчалась строить личное счастье. Маргошка и Алена не простили ей этого предательства, но и они не были Татьяне нужны. Когда Марго умерла, Татьяна даже не появилась на ее похоронах, а на следующий день уехала к далекой родственнице во Францию читать там перед узким кругом интеллектуалов лекции о Сталине, о тиране, который любил качать ее на коленке и шутя пускать сладкий удушающий трубочный дым ей в носик...

Лидочка Берестова, давно забытая, сразу попала в категорию ненужных родственников, но Татьяна понимала, что отделаться от нее всегда успеет, сначала надо выяснить, зачем та ее разыскивает.

– Я вас искала не только из родственных чувств, – призналась Лидочка. – Мне хотелось с вами поговорить. Я не отниму у вас много времени.

– Это не телефонный разговор? – спросила Татьяна.

– Не знаю, – улыбнулась Лидочка. Но Татьяна, конечно же, этой улыбки не уловила.

– Я не покидаю мою скорбную обитель, – сообщила Татьяна почти серьезно. – Осталось так мало жить, а надо рассказать людям правду.

– Я могу приехать к вам, куда вы скажете.

– Ну что ж, – в голосе Татьяны появились такие знакомые Маргошкины нотки: Лев Толстой рассуждает вслух, когда допустить пред свои очи надоевшую поклонницу. – Ну что ж, давайте заглянем в мою записную книжку...

Лидочка явственно услышала, как на другом конце линии шуршат страницы блокнота. Комендант на кухне вслух выругался, возглас еще не утих, как раздался звонкий грохот. С ужасом Лидочка догадалась, что он уронил на пол только что обрезанное стекло. Обняв телефон, Лидочка бросилась на кухню. Разбилось не стекло – разбилась литровая бутылка с подсолнечным маслом, которая стояла на кухонном столе. Почему Лидочка ее не спрятала – уму непостижимо... Комендант глядел на хозяйку, как кот, застигнутый с ворованной селедкой в зубах, а Лидочка сказала:

– Ну и слава богу.

Она отлично понимала, каково оттереть кухонный пол от разлитого по линолеуму подсолнечного масла, но была счастлива, потому что будет это делать в тепле – стекло цело.

Комендант, конечно, не понял причин радости и принял улыбку за грозный оскал.

– Я сам, – сказал он. – Вы только скажите, где тряпка, и я сам.

– Вставляйте стекло! – сурово произнесла Лидочка, сообразив, что надо воспользоваться обстоятельством и поторопить замерзшего коменданта. И была права.

Возвращаясь в спальню, подальше от двадцатиградусного мороза, она всей спиной чувствовала, как спешно и бережно комендант потащил стекло к очищенной от осколков раме.

– Ты меня слушаешь? – пищала телефонная трубка.

– Одну минуту, – попросила Лидочка, – у меня маленькая авария.

– Авария?

– Стекольщик на кухне вылил на пол литр подсолнечного масла.

– О боже! – воскликнула Татьяна Иосифовна, искренне сочувствуя Лидочке. Трудно отыскать на свете нормальную женщину, которая не пришла бы в ужас от такой новости. – Сначала пожертвуйте губкой, – приказала Татьяна, – и соберите все с пола, как можно тщательнее. Только затем займитесь настоящей чисткой...

– Хорошо. Спасибо, – прервала ее монолог Лидочка. – Расскажите мне, пожалуйста, как и когда мы с вами сможем увидеться?

– А хотя бы сегодня! – ответила Татьяна чуть более радостно, чем можно было бы ожидать.

Лидочка насторожилась. Ничего плохого об этой женщине она не знала, но не доверяла ей. Бывает – человек ничего еще не сделал, но ты ждешь каверзы.

– Ты меня слушаешь, Лидочка? – спросила Татьяна Иосифовна. – Можно тебя так называть?

– Конечно, я буду рада, Татьяна Иосифовна.

– Ведь я куда старше тебя.

– Да, вы старше.

– Значит, тебе нужно со мной поговорить без свидетелей?

– По важному делу.

– Надеюсь, ты не несешь с собой плохих вестей? Плохих гонцов раньше убивали.

Татьяна Иосифовна засмеялась жидким, влажным смехом.

– Честное слово, я не знаю ничего плохого, – поспешила заверить ее Лидочка. – Мне нужен ваш совет по поводу событий, которые случились тысячу лет назад. Когда-то ваша мама приняла у нас на хранение шкатулку...

Краем уха Лидочка прислушивалась к звукам из кухни. И ей даже казалось, что уже становится теплее, хотя надежда на это была наивной.

– Да что я тебя все допрашиваю и допрашиваю, – возмутилась самой себе Татьяна Иосифовна. – Приезжай, конечно же, приезжай. Нынче и приезжай. Я тебе сейчас все расскажу. Бери бумагу и карандаш. Заодно запишешь и расписание электричек.

Лидочка села на край кровати, послушно записала окоченевшими пальцами, как идти, куда поворачивать, какую тропинку выбирать... Но это было не все.

– Да, вспомнила, – сказала Татьяна Иосифовна, убедившись в том, что Лидочка все записала правильно. – Я тут два дня хворала, не вылезала на улицу: мне страшны такие морозы – я тебе как-нибудь расскажу, где и когда я отморозила верхушки легких... Я не выходила, а наш сельский магазин мне недоступен по расстоянию. Лидочка, не в службу, а в дружбу, запиши, пожалуйста, что нужно больной старухе, чтобы не умереть с голоду и накормить тебя достойным обедом. Хорошо, зайчонок? Только ты не думай, я тебе все отдам, мне сегодня или завтра принесут пенсию, так что все до капельки. Мы, бедные люди, всегда щекотливы в денежных расчетах. Ты меня слушаешь?

– Конечно, Татьяна Иосифовна.

– Знаешь что – называй меня тетей Таней. Честное слово, мне как-то теплее, душевнее слышать от тебя такое обращение. Я испытываю страшный дефицит человеческого общения. Иногда хочется выть. Буквально выть... Эта снежная пустыня и эта собственная ненужность никому на земле...

Наступила тягучая пауза, и Лидочка представила, как Татьяна Иосифовна, тетя Таня достает платок, прикладывает его к увлажненным глазам, к носу. И когда Лидочка мысленно досмотрела эту процедуру, Татьяна Иосифовна произнесла:

– Не слушай меня, старую. Не слушай. Это минутная слабость. У меня есть свой долг в жизни... Приедешь и увидишь меня совсем другой. Это я от простуды расклеилась. Так что записывай, что нужно тебе купить. Картошка у меня есть... впрочем, картошки купи килограмма три. У тебя рынок далеко? Три килограмма, не больше, чтобы не тяжело тащить. Ненавижу, когда молоденькие девушки таскают тяжести.

– Татьяна Иосифовна...

– Тетя Таня.

– Тетя Таня, я давно уже не хрупкая и не молоденькая девочка. Я женщина средних лет и привыкла таскать сумки.

– Ах, оставь! Я же знаю, когда ты родилась! Я все помню.

Черта с два ты что-нибудь помнишь, тетя Таня, подумала Лидочка.

– Говорите дальше, – сказала она. – Я записываю.

– Мясо на твоём рынке есть?

– Должно быть.

– Считай, нам с тобой повезло. На обед у нас с тобой свиные отбивные. Купи шесть штук – вдруг судьба принесет к нам гостей. Я так не люблю казаться бедной... если тебе известна моя жизнь, то ты поймешь чудачества старухи.

– Ну какая вы старуха! – возразила Лидочка.

– Каждый из нас стар настолько, насколько он себя таким ощущает. А я состарилась давно. Впрочем, давай кончим эту пустую дискуссию. Слушай меня дальше. Я понимаю, что помидоры и огурчики нам с тобой сейчас не по карману, но если вдруг попадутся чуть подгнившие...

Оставляя жирные следы на паркете, в комнату вошел комендант и сказал, не обращая внимания на то, что Лидочка говорит по телефону:

– Я сейчас вставил без замазки – в такую температуру замазка, сами понимаете... Гвоздиками закрепил. Днем второе стекло достану, сделаем все, как в аптеке.

– Подождите, одну секундочку, – сказала Лидочка. – Не уходите.

– Ты это мне? – спросила в трубку Татьяна Иосифовна.

– Нет, тетя Таня. Я все поняла. У меня тут небольшая авария, и мне надо поговорить с человеком.

Комендант подошел к стеллажам с книгами и стал рассматривать книги на верхней полке, закинув голову так, что был виден тонкий пробор, разделявший редкие пряди – буквально по волоску.

– Все. Я поняла, – ответила тетя Таня обиженным голосом, – у каждого свои дела... да, одну секунду! У меня кончился майонез. Может, встретится... но специально его не ищи, хорошо, Лидия?

Лидочка повесила трубку. Она была рада тому, что тетя Таня решила ее использовать по хозяйству. Потеря времени и денег как бы уменьшали объем благодарности, которую Лидочка должна бы испытывать к тете Тане, если та согласится и сможет помочь.

– Я принципиально не беру денег, – громко заявил комендант. – У меня, конечно, было намерение поживиться от ваших благ, потому что я наблюдаю за внутренней жизнью всех квартир и давно надеялся получить в подарок книгу вашего супруга Андрея Сергеевича. Не удивляйтесь, что простой ветеран войны интересуется исторической литературой. Я ведь тоже не всегда был комендантом. Не всегда... Но получилось так, Лидия Кирилловна, что я нанес вред не меньше, чем принес пользы. И если вы дадите мне тряпку, то я займусь уборкой на вашей кухне, не претендуя на вознаграждение.

Уборкой на кухне он заниматься не собирался, это была дань вежливости, так что Лидочка отдала ему книгу, в которую вложила крупную купюру, а когда дверь за ним закрылась, Лидочка с глухой раздраженной тоской некоторое время стояла в прихожей, медленно поворачивая голову от почти невидных жирных следов коменданта у входной двери к подсолнечным лужам дальше по коридору и масляному морю, которое выползло из кухни и норовило затопить всю квартиру.

Так что ближайшие часы в жизни женщины грозили быть напряженными.

Лидочка дошла было до кухни, от которой уже не так несло холодом, но тут вспомнила – вернулась к телефону, позвонила Алеше в фотолабораторию, объяснила ему, что приедет через час и чтобы тот отменил свой визит к парикмахеру, так как нужны срочнейшие отпечатки.

Потом внутренне собралась, поборолась в себе отвращение и, разувшись, направилась напрямиком через кухню, стараясь не наступать на осколки бутылки, взяла губку, тазик и занялась уборкой.

Кончила она, и то лишь приблизительно, сбор растительного масла на кухонном полу и в коридоре лишь через полчаса, так что пришлось тут же отмываться и бежать в фотолабораторию.

* * *

– Вы наш следователь? – спросила Лидочка у Андрея Львовича, который работал в кабинете не один – помимо его школьного, обтянутого сверху черным дерматином стола, там стояло еще два таких же. День выдался солнечным, и потому кабинет, покрашенный в казенный голубой цвет, чем-то Лидочке понравился – то ли календарем с Гавайскими островами на стене, то ли тем, что на окне стояло три горшка с цветами. В том числе и мокрый Ваня, только пышный, здоровый, не подмороженный, как у Лидочки.

– Нет, я сыщик, – сказал лейтенант Шустов.

Андрей Львович Шустов, который встретил Лидочку в коридоре случайно, возвращался от начальства, но сделал вид, что специально вышел ей навстречу. Вряд ли он был настолько глуп, что надеялся на то, что Лидочка ему поверит, но от людей, обладающих глазами столь непроницаемого черного цвета, можно ждать чего угодно.

Он не скрыл радости от встречи с Лидочкой, и это было неудивительно.

Лидочка, помимо очарования, обладала еще одним странным и полезным качеством – она могла передавать, сама не прилагая к тому старания, свое настроение иным людям. И если у нее было настроение хорошее, радостное – а Лидочка была человеком, склонным к смеху и добрым надеждам, хотя жизнь так редко дарила ей основания для надежды, – она могла создать хорошее настроение у человека и куда менее жизнерадостного, чем Андрей Львович Шустов.

Когда они вошли в кабинет, Андрей Львович кивнул на стол у двери и сказал, перехватив взгляд Лидочки:

– Цветы разводит у нас Соколовская, Инна Соколовская. Она скоро придет. Но я тоже обладаю склонностью к комнатным растениям.

«Господи, только не так красиво!» – мысленно попросила Лидочка лейтенанта.

– Вы хорошо сделали, что пришли, – сказал Андрей Львович, изящно поправляя чуть более длинные, нежели положено милиционеру, кудри. – Вы садитесь, Лидия Кирилловна, выкладывайте, что вас привело.

– А я думала, что мы с вами сотрудничаем, – ответила Лидочка. Но было приятно, что Шустов запомнил, как ее зовут.

Андрей Львович засмеялся. Ему понравилась мысль о сотрудничестве с Лидочкой.

Лидочка положила на стол пакет.

– Что это такое? – спросил Андрей Львович, не дотрагиваясь до конверта.

– Вы же просили, – сказала Лидочка и вытащила пачку фотографий.

Лейтенант стал перебирать их, потом разложил перед собой на столе.

На оконном карнизе прыгали две синички – значит, их здесь подкармливали.

Вошла узкоплечая сероглазая женщина – погоны наполовину свисали с ее плеч. Юбка была слишком длинной и широкой.

Не поздоровавшись с Лидочкой – сыщики не здороваются со свидетелями или подозреваемыми, которые проходят у их соседей по кабинету, – она подошла к окну и коротким накрашенным ногтем потрогала землю в горшках.

– Я поливал, – сказал Андрей Львович. – А ты посмотри, ты сюда посмотри! Ты такое видела?

Лидочкин Алеша постарался – содрал с нее как за выставочные работы, но отпечатки были ясные, цвет – лучше естественного, размер тринадцать на восемнадцать, бумага «Кодак». Что еще может пожелать сотрудник Скотленд-Ярда?

Сыщики отделения милиции и не мечтали.

– Это кто тебе сделал? – спросила хриплым голосом Инна Соколовская.

– Вот, Лидия Кирилловна. Она свидетелем проходит по ночной стрельбе. Это у нее на кухне сделано. В порядке любезности.

– А вы что, работаете в ателье? – строго спросила Инна Соколовская, будто намеревалась тут же обвинить Лидочку в принадлежности к преступной группе фотографов.

– Нет, – ласково ответила Лидочка, хотя Соколовская категорически ей не понравилась. – Я сотрудничаю в прессе.

Соколовская положила фотографии на стол и вытащила из бокового кармана кителя кусок бумаги, в которую были завернуты кусочки хлеба. Она открыла форточку, высунула руку в окно и высыпала крошки так, чтобы они упали на карниз под окном, – Лидочка поняла, что Соколовской хочется видеть, как благодарно птички будут клевать ее подарок.

– А я вам не поверил, – конфиденциально сообщил ей Андрей Львович. – Думал – придется обойтись без фотографий.

– Я пошла к Севостьянову, – сказала Соколовская. – Если мой будет звонить, скажешь.

– Скажу, – согласился Андрей Львович, но Соколовская и не собиралась уходить. Вместо этого она уселась за свой стол, вытащила ящик и стала не спеша в нем копать, выкладывая на стол бумажки и делая из них стопочки.

– Гражданка Берестова, – сказал Андрей Львович и надолго замолчал. Лидочка уже догадалась, что он жаждет, чтобы его соратница покинула общий кабинет.

Если не считать настенного плаката-календаря с Гавайскими островами, и прибором, и пачкой «Баунти» поперек пальмовой кроны, кабинет сыщиков был похож на все подобные кабинеты даже дореволюционного образца, вплоть до особенного тоскливого голубого цвета стен в человеческий рост и побелку выше головы, коричневого стального шкафа, застекленных полок с несекретными бумагами и еще одним сейфом – на низкой тумбе. Приметой времени стояли телефоны – на каждом столе по аппарату.

– Как себя чувствует... пострадавший? – спросила Лидочка.

– Состояние средней тяжести, – ответил лейтенант. – Проникающее ранение в области грудной клетки и пуля в бедре.

– Но он будет жить? – спросила Лидочка, все еще полагая себя помощницей милиционеров.

– Мы надеемся, – сказал лейтенант. Он перекладывал фотографии на столе.

– А кто он такой?

– Его фамилия Петренко. Петренко Александр. Приходилось слышать?

Соколовская неожиданно кашлянула. Предупредительно, как кашляют в фильмах о шпионах, чтобы главный герой не проговорился подосланной к нему врагами проститутке.

Лейтенант, как и положено герою, смутился и сложил фотографии в стопку, как бы подводя итог беседе.

– Спасибо, – произнес он. – Спасибо за помощь. Сегодня я занят, но завтра или, в крайнем случае, послезавтра вам придется дать мне показания. Я вам позвоню домой. Или на службу?

– Домой, – ответила Лидочка, – лучше домой. На службе могут неверно истолковать.

– Надо беречь свою репутацию, тогда истолкуют правильно, – наставительно сказала Соколовская.

– Вы меня неверно поняли, – ответила Лида. – Они удивятся, каких я нашла знакомых.

Лидочка поднялась. В конце концов, она выполнила гражданский долг. Соколовская еле кивнула ей. Лейтенант поднялся, ожидая, пока она покинет комнату.

Лидочка вышла в узкий коридор. Петренко Александр. Какая-то украинская фамилия.

Теперь можно было отправляться на рынок. Лидочка была так рада, что наконец-то отыскала Татьяну Иосифовну, что недоверие новых милицейских знакомых ее не огорчило.

* * *

По дороге с рынка – она обещала коменданту быть к часу, чтобы он занес стекло, – Лидочка побежала по магазинам. Уважаемая госпожа Флотская на даче для жертв сталинского режима ожидала от нее материальной помощи. И Лидочка должна была предоставить ей эту помощь в гигантских масштабах, потому что с Татьяной Иосифовной она связывала большие надежды.

Комендант маялся перед подъездом, правда, чтобы не терять времени даром, давал какие-то ценные указания дворнику, вяло бившему ломом по наросшим под сточными трубами глыбам льда.

Лидочке он обрадовался. Даже не стал упрекать в опоздании – мужчине, даже самому эгоистичному, неловко упрекать в опоздании женщину, которая волочит сумку чуть меньше ее самой размером.

– Я стекло достал, – сообщил он. – Пошли работать.

– Только, пожалуйста, поторопитесь, – попросила Лидочка, – мне надо за город ехать, уже скоро два часа.

– Один миг, одно мгновение, – сказал комендант.

Квартира согрелась, только на кухне было еще холодно, тянуло от незамазанного окна.

Комендант повесил шинель в коридоре, под ней оказался пиджак с такими же орденскими планками.

– Я вам так благодарна, – сказала Лидочка. – Вы меня так выручили, просто не представляете. Вы простите, что я вам даже чаю не предлагаю, я на самом деле тороплюсь. Мне за город надо, а там днем зимой электрички редко ходят.

– К тому же, – подтвердил комендант, – они даже расписание не соблюдают. Доходит до возмутительных случаев. А что за спешка такая?

– Моя знакомая, старая женщина, просила приехать сегодня, – сказала Лидочка. – Я эту женщину давно искала.

– Долг надо получать?

– Можно сказать, и долг. Но не в прямом смысле этого слова.

– Ну, не надо, – сказал комендант, будто утешая Лидочку. – Не хочешь – не рассказывай. Меня эти ваши дела не касаются. А от станции далеко?

– Минут пятнадцать.

Комендант взял у Лидочки столовый нож. Он накладывал на раму и разравнивал им замазку.

– Я вас не задержу, – сообщил он. – Только вы меня развлекайте. В милицию ходила?

– А как вы догадались?

– А мне приходилось с этим Шустовым встречаться, – сказал комендант, – совсем по другому делу. И должен сказать, что он произвел на меня впечатление типичного карьериста. Спешит запрятать. Ну, вас-то он не стал бы мучить – вы жертва случайной бури.

– Я фотографии относил, – сказала Лидочка. – И оказалась свидетелем. Шустов сказал, что допускает, что и в меня стреляли не случайно.

– Я согласен, – ответил комендант. – Вы же стояли в освещенном окне – типичная цель. Вот вас и пугнули, чтобы не заглядывались.

– Вы правы, – сказала Лидочка. – Оказывается, Лариса даже не заметила, какая у них была машина.

– У бандитов? – спросил комендант.

– У тех, кто стрелял.

– Я могу найти оправдание ее поведению, – серьезно сказал комендант. Он завершил обводку стекла замазкой и теперь осторожно вел ножом вокруг него, чтобы замазка легла гладко и красиво. – Кромешная тьма, вспышки выстрелов, крики, кровь... удивительно еще, что она не уползла. Я помню, как в первый раз под обстрел попал, на Западном фронте. Это же ужас. А вы меня спрашиваете, какого цвета был немецкий танк. А я вам отвечу: серо-бурмалиновый. Честно отвечу. Потом-то уж, конечно, научился различать. Но большинство в первые дни погибало.

– Я сначала не подумала, что в меня стреляли, – сказала Лидочка.

– Это вы только подумали, что не стреляли.

– Уже рассвело, а фонари еще горели – все было как на сцене. Я даже теперь могу закрыть глаза и все вижу. Эта вишневая «Нива» и их лица, конечно, невнятно – они в машине сидели, – но тот, справа, был усатый.

– Со страху чего только не привидится, – усомнился комендант. – Где вишневый – там и малиновый, где усы, там и борода.

– Вы мне не верите? – В Лидочке взыграла спесь. – У меня хорошая зрительная память. Я даже номер этой «Нивы» запомнила.

– Номер? В такой темноте и на таком расстоянии?

– Машина остановилась как раз вполоборота ко мне, под фонарем, – ну почему мне со второго этажа не увидеть номера?

– И какой же номер? – спросил комендант. Нет, он ей не верит!

– Я боюсь ошибиться... Кажется, первая буква «ю», потом «24–22» и «МО».

– Московский номер, – сказал комендант, словно его успокоила эта информация. – В милиции сказать надо. Хотя наверняка машина ворованная.

– Я скажу, – пообещала Лидочка.

– А может, промолчать? – задумался вслух комендант. – Если они найдут, то без тебя, а если не найдут, то тоже без тебя. Не исключено, что бандиты и стреляли по окну, потому что им не нужны были свидетели.

Лидочка пожала плечами. Это был абстрактный разговор. Тем более что она не была до конца уверена в своей правоте. И уже сомневалась, таким ли был номер машины.

– Я пойду, – сказал комендант Каликин, – не буду вас задерживать, так как вам предстоит поездка в Переделкино. Я вас правильно подслушал?

Конечно же, он присутствовал при разговоре с Татьяной.

– Сейчас соберусь и поеду.

– Ваша знакомая в Доме творчества советских писателей проживает?

– Рядом. Там есть участок дач, которые снимает для своих активистов общество «Мемориал».

– Как же, – сообразил комендант. – Жертвы культа личности. Но учтите, что среди них скрывались порой и настоящие враги и шпионы.

– Я учту.

– Вам с Киевского вокзала ехать.

– Знаю.

Комендант натянул шинель с орденскими планками. Шинель была ему узка – видно, в боевые годы комендант был стройнее. Потом Лидочка сообразила, что ни одна шинель полвека не прослужит. Значит, как износится шинель, комендант Каликин покупает себе новую, точно такую же.

Глава 2

Преследователь

Разумеется, электричку в четырнадцать двадцать до Апрелевки со всеми остановками отменили, две следующие в Переделкине не останавливались, и наконец материализовалась электричка до Нары, отходившая в пятнадцать двадцать две, а к тому времени на перроне скопилось несколько сот человек, которые стояли плотно, как на спасательном плоту парохода «Титаник».

Когда состав подполз к перрону, Лидочка не кинулась, подобно остальным пассажирам, к вагонам, а отошла к середине платформы, соразмерила свою позицию с открывающейся дверью и рванулась к ней напрямик, тогда как основная масса конкурентов давилась, вползая в вагон вдоль его стенок.

Правда, пришлось потерпеть, но чего только не вытерпит русская женщина, если спокойна за содержимое сумки, в которой нет ни яиц, ни банок со сметаной, а лежат лишь небьющиеся и немнущиеся продукты, ибо масло, торт и котлеты под влиянием мороза приняли твердый вид – условно можно было считать, что в руке у Лидочки находилась сумка с булжниками различных размеров и форм.

В вагон Лидочка попала далеко не первой – ее опередили более шустрые и сильные профессионалы разного возраста и пола, штурмующие эти поезда ежедневно. Но все же ей досталось сидячее место посреди вагона, и за десять минут, прошедших между ее прорывом в вагон и отходом переполненного поезда, она даже успела вписаться в своеобразный мирок, образованный двумя – друг против дружки – скамейками. Шесть мест, семь человек, считая трехлетнего малыша на коленях у мамы. Итак, четверо взрослых, двое подростков. У девицы на плече сидела грустная белая крыса и мешала юным любовникам целоваться. Они все время шептались, он – сердито, она – лукаво. Потом девица стала гладить и целовать крысу. Лидочка понимала, что наблюдает сцену якобы социального протеста. Подростки сидели у окна, мамаша с трехлетним детенышем, который все норовил погладить крысу, рядом, а на Лидочкиной стороне уместились полная интеллигентного вида женщина лет тридцати, а дальше к окну – мужчина с книгой. Периодически он закрывал книгу и, заложив ее пальцем, начинал мечтать, а все, включая малыша, смотрели на обложку, где парочка испытывала какой-то невероятно изысканный и потому совершенно неправдоподобный способ любви. На самого же мечтательного читателя никто не смотрел.

Поезд нехотя набирал скорость, словно предпочел бы еще постоять на вокзале, переключаясь и пересматриваясь с другими электричками. Но долг есть долг, и ему пришлось тащить эту толпу пассажиров в снежные подмосковные просторы.

Девица с крысой была желтоволосой, лохматой, хорошенькой, и в ней была некоторая первобытная привлекательность. Правда, до того момента, как она открывала рот и сообщала что-нибудь спутнику. Порой даже крыса поднимала брови и ахала. Крысы не приучены к некоторым словам и интонациям.

Юноше удалось как-то обойти крысу и чмокнуть подругу возле рта. Крыса сбежала на колени девице и строго посмотрела на Лидочку, будто та была во всем виновата. А может, это не крыса, а он – крыс? Король подземного царства, а я отношусь к нему так несерьезно?

– Девушка, прибрали бы вашу тварь, – угрожающе пропела полная Лидочкина соседка.

– А она не кусается, – ответила девица, и они с парнем принялись хохотать, потому что ответ, видно, был отретирован давно и казался им удивительно забавным.

Но крыса почувствовала нелюбовь к ней со стороны Лидочкиной соседки и беззвучно змейкой взлетела на плечо девице, где и замерла.

– Специальные отряды существуют, – сказала соседка Лидочке, – чтобы их уничтожать, а некоторые их разводят.

– А она умнее вас, – сообщила девица. – Она все понимает.

– Вы не представляете, как я боюсь этих тварей, – сообщила Лидочке ее соседка, краснощекая женщина с добродушным пуговичным носом и маленькими карими глазами, казавшимися еще меньше из-за выпуклых линз. – Мы их травили в институте, ни одной не вытравили, а кошка умерла.

– Ой! – Лидочке стало жалко кошку.

– Впрочем, она сама виновата, – задумчиво рассуждая вслух, произнесла соседка. – Если б она ловила крыс, не пришлось бы их морить, не погибло бы животное, вы со мной согласны?

– Все равно жалко, – сказала Лидочка.

Они беседовали негромко, словно боялись потревожить чувства девицы с крысой или самой крысы. Но это им плохо удалось: подняв глаза, Лидочка встретила взглядом. Крыса слушала весь этот разговор, не спуская черных глазок с женщины напротив. И хотя ни выражение глаз, ни выражение крысиной морды нельзя было разгадать, Лидочке стало неловко перед крысой, об уничтожении соплеменников которой они так равнодушно разговаривали, больше того – жалели кошку.

– Москва превратилась в сплошную помойку, – продолжала соседка, словно они уже давно и дружески беседовали. Она была из тех женщин, что легко сходятся в поездах или даже в очереди и обычно бывают столь настойчивы, что случайный собеседник покоряется и не смеет возразить, даже если вовсе не согласен.

Соседка была доверчива, но настырна, ей обязательно надо было донести до Лидочки груз банальных истин – пересказать газетные и телевизионные стенания.

У Лидочки был с собой недочитанный детектив Рут Рендел, в котором толстый инспектор Уэксфорд отправился ночью к тихой загадочной речке, чтобы отыскать труп невинной девушки. Лидочка достала книжку, раскрыла ее, и соседка, разумеется, тут же спросила:

– Вы читаете по-английски? Я так вам завидую! Знаете, в школе мне казалось, что это совершенно никому не нужно, а теперь поздно. Голова совсем не та...

– Сколько же вам лет? – не сдержалась Лидочка.

– Мне тридцать два, но я выгляжу куда старше, не бойтесь меня обидеть.

По правилам игры, Лидочке положено было возразить, сбросить лет десять с объявленного возраста соседки. Но Лидочка не стала ей подыгрывать. Пускай сама выпутывается. Соседка же замолчала, потому что не знала, как вести себя дальше.

И тут случилась неприятность с крысой.

Лидочка первой увидела причину драмы, но все произошло столь быстро, что она, увидев, не осознала значения виденного.

Виноват был парень.

Высокий, в джинсовой поношенной синей куртке и в кепке, низко надвинутой на нос. Глаз не было видно, но конец крючковатого носа разделял пополам густую щетку усов и чуть не касался вздернутой верхней губы. Лицо было, вернее всего, кавказским, по своей преувеличенной карикатурности схожим с иллюстрацией к диккенсовскому роману, где такие носы и острые подбородки встречались у отрицательных персонажей.

В тот момент Лидочка поглядела вдоль вагона и увидела, как усатый парень не спеша вытащил изо рта белый комоч жевательной резинки и, скатав шарик между пальцами, запустил его в крысу, которая сидела на плече у хозяйки спиной к молодому человеку и неодобрительно разглядывала Лидочку.

От неожиданности, а может, от боли крыса подпрыгнула и слетела с плеча девочки на спинку скамейки. Вроде бы первой завизжала Лидочкина соседка и попыталась вскочить на скамейку. Лидочка никак не могла сообразить, что надо сделать, чтобы остановить этот визг,

заразный и перекрывающий все шумы электрички – и грохот колес, и устоявшийся гул голосов, и даже заунывное нытье младенца.

Испуганная крыса ринулась было на пол, но, остановленная прыгнувшей навстречу собакой, снова метнулась наверх, угодила кому-то на колени, спрыгнула, понеслась между ног и сумок. Никто, разумеется, не понимал, что произошло. Но визг первой из женщин был искренен и страшен в этом замкнутом пространстве, и люди тут же начали вскакивать, спрашивать, перекликаться и передвигаться толпой к выходу – хотя до очередной станции было еще не близко.

Кто-то подхватил визг Лидочкиной соседки.

Сама Лидочка чуть не упала, потому что владелица крысы сообщила, что произошло, и кинулась вдогонку за своей подружкой. Ей было труднее, чем крысе, вырваться из толчеи и растущей паники, но девушка была сильнее и злее, и потому она все же пробилась к выходу из вагона. Люди, стоявшие в тамбуре, лишь догадывались, что в центре вагона что-то произошло, вернее всего, кого-то убили, но сами еще не выработали для себя линии поведения. Наоборот, они тянули головы, вставали на цыпочки, стараясь разглядеть причину паники.

Лидочка встала – она не могла не встать, – иначе все еще пребывавшая в истерике соседка истоптала бы ее: та взобралась ногами на сиденье и сидела на корточках, крупно дрожа и всхлипывая. Лидочка, в отличие от остальных, знала, что искать глазами, и ей повезло: тесная толпа у самой двери на мгновение раздалась, туда отчаянно стремилась девочка. Лидочке удалось увидеть или угадать белый комочек, вылетевший в тамбур, там, где она мелькнула, в ужасе закричал ребенок – и тут же сквозь толпу прорвались девица со своим дружкой.

Скорее из стремления сделать что-то для спасения любимицы, чем желая проявить свою власть над событиями, находящимися совершенно вне пределов этой власти, подросток, бежавший за девицей, рванул стоп-кран, чем вызвал вспышку криков и мужских ругательств, но поезд послушался и дернулся, словно пес, которого хозяин осадил на поводке. Возмущенный голос машиниста возник под потолком вагона. Машинист требовал ответить, что происходит, в противном случае грозил какими-то карами, а женщина, сидевшая напротив, стала показывать в окно и кричать:

– Вот они, смотри!

Подобно чуду – такого быть не могло, – Лидочка увидела, как по склону, покрытому девственным глубоким снегом, бежит, утопая, почти невидимая замаскированная, как финский лыжник белым халатиком, крыса, а на некотором расстоянии от нее, размахивая руками, крича и страшно радуясь своей удаче, карабкаются девица и ее спутник. Крыса первой перевалила через хребет насыпи и скрылась в щели забора, преследователи заметались вдоль забора – поезд двинулся вперед рывками, набирая скорость. Лидочка прильнула к окну, заинтригованная драмой и готовая заплатить любую цену за то, чтобы узнать, чем она завершится, и страстно болея за хозяев крысы. Она успела увидеть, как юноша стал подсаживать девицу, чтобы она перелезла через забор, а когда, поняв, что ничего более не увидишь, Лидочка перевела взгляд внутрь вагона, поняла, что все, буквально все, кто мог, – глядели в окно. И теперь один за другим отваливались от живого экрана, усаживались, утрясались, кляли молодежь, а этих, сбегавших с крысой, тем более, и никто не заступился за них, а Лидочка не посмела пойти против течения. Впрочем, ее мнение никто и не спрашивал. Соседка Лидочки спустила ноги, уселась как следует, а места убежавших заняли два старичка, схожие, грустные и немного пьяные.

– Сумасшедший дом, – сказала соседка Лидочки. Она вынула большой несвежий платок и принялась громко сморкаться. Потом извинилась перед Лидочкой, как перед знакомой, и сказала, что это у нее нервное – всегда так случается, если она переволнуется.

– Вы думаете, они поймают то животное? – спросила соседка.

– Это будет ужасное горе, – ответила Лидочка, – если крыса погибнет.

– Вы в самом деле ее жалеете?

– Не крысу, а девочку, – сказала Лидочка.

Соседка отвернулась и стала смотреть в окно. Снег, прошедший ночью, прикрыл простышкой придорожную грязь, накопившуюся за недели, сровнял следы, принес обманчивую тишину и благополучие, словно уговаривал поверить в зимнюю девственность природы.

– Как странно, – сказала соседка. – Совсем нет границы между жизнью и смертью. Даже плакать хочется. – Она уперлась в лицо Лидочки растерянными близорукими глазами, сведенными в точки сильными стеклами очков. – Мне крысу не жалко, но бывает, что страдают люди. А окружающим совершенно неинтересно. Можно быть убийцей, а никто тебя не может в этом обвинить.

Лидочка послушно согласилась, у нее не было никакого желания поддерживать разговор с этой женщиной, и она даже заподозрила ее в том, что та чувствует себя неловко оттого, что стала источником паники в вагоне. Но вскоре она убедилась, что соседка уже забыла об инциденте и собственном в нем поведении, куда более сильные чувства владели ею.

– Наверное, у меня нервы не в порядке, – сообщила соседка, – я буквально как на иголках сижу. У вас бывало такое чувство?

На свете есть немного стран, где ты рискуешь подружиться с соседкой по вагонной скамейке. Россия – первая из них.

Лидочка делала вид, что читает, но некоторые из заявлений соседки требовали обязательного ответа, и тогда приходилось откладывать книгу, чтобы не показаться невоспитанным человеком.

В сущности, для Лидочки было не столь уж важно, кем будет ее считать визгливая соседка, но, однако, их уже связывали эфемерные нити дорожного знакомства.

Соседка ее, Соня, Сонечка, Софья Александровна, так она представилась, говорила, не умолкая. Она была возбуждена, но Лидочка не знала, то ли это свойство характера, то ли следствие переживаний.

Соседка спросила, до какой станции едет Лидочка, но ответа не дождалась – на самом деле ее не интересовало, куда Лидочка направляется.

У этой Сонечки, очевидно, были проблемы с мужчинами, вернее, с их нехваткой: ногти были слишком ярко окрашены, а лицо разрисовано более, чем нужно для того, чтобы соблазнить Шварценеггера. И в то же время она оставалась непривлекательной, как диванная подушка.

Соня поведала о каком-то газетном сообщении – некий муж бросил жену с тремя детьми, а когда та стала жаловаться компетентным органам, то он убил ее и всех детей, а может быть, намеревался это сделать. Почему-то с этой темы разговор переключился на события в институте, где работала Софья Александровна. Там одна молодая и прелестная женщина собирается покончить с собой из-за того, что один мерзавец ее оставил. Лидочке хотелось дочитать до конца главу, и потому она лишь кивала головой, словно соглашаясь с сентенциями Софьи, и подробности мучений сослуживицы Софьи пропустила мимо ушей.

Порой Лидочка исподлобья посматривала на парня в кожаной кепке, как бы желая показать ему, что он виновен в эпизоде с крысой, но, конечно же, ни в чем его не убедила – парень равнодушно смотрел в окно и на взгляды Лидочки не реагировал. А Лидочка понимала, что даже если она сейчас встанет, укажет перстом на молодого человека и обвинит его в маленькой житейской драме, то, во-первых, никто ее не поймет, во-вторых, никто не поверит, и, в-третьих, если даже и поверит, то останется равнодушным к тому, что уже стало древней историей для всех пассажиров вагона.

Но в конце концов Лидочка не выдержала и сказала своей соседке, не глядя на человека в кожаной кепке:

– Я знаю, почему убежала крыса.

– Почему? – Соня обрадовалась, что Лидочка наконец-то вступила с ней в разговор, – ее смущала неотзывчивость Лидочки.

– Вон тот парень у дверей кинул в нее жвачкой.

– Вполне возможно, – сразу согласилась Соня. – Мы живем в обществе, где понятия добра и зла перемешались. Зло правит нами.

Лидочка подумала, что краснощекая Соня похожа на школьную учительницу. У нее был профессиональный тон.

– Чего он хотел? – додумала вслух Лидочка.

– Он мог в меня попасть, – Соня состроила жалобную мину, маленький носик даже покраснел, – своей слюной. А что, если он болен СПИДом?

Это был странный вывод. Лидочка обернулась и встретилась глазами с молодым человеком, который запрокинул голову назад, обнаружив под козырьком черные томные глаза.

Он не отвел взгляд, и Лидочке почудилось осуждение, – может, он обладает таким невероятным слухом, что услышал, о чем они с Соней говорили? Это было немыслимо.

– Они снимают квартиры вокруг Москвы, – сообщила Соня. – Город буквально в осаде.

Лидочка поняла, что соседка имеет в виду «лиц кавказской национальности» – этим гнусным эвфемизмом пользовались даже члены правительства, ибо в нем скрывалась смесь опаски перед организованной сплоченностью чеченцев или, скажем, осетин и презрения великого белого человека к черноволосым кавказцам. Обыватель как бы мстил им за то, что грузины столько лет правили Россией и делали это столь уверенно и жестоко. Может, из-за этого в конфликте грузин и абхазцев многие россияне внутренне были на стороне абхазцев, а наемники из казаков в абхазской армии бились с грузинами не только за хорошие деньги.

Парень кавказской национальности отвернулся и снова посмотрел в окно.

Лидочка подумала: было бы хорошо, если бы он сошел раньше.

– Вам далеко? – снова спросила Соня.

– Мне через одну, в Переделкино, – сказала Лидочка.

– Молодец, – сказала Соня, как будто Лидочка правильно ответила урок, – мне тоже там выходить.

И, несмотря на недавнее желание поскорее отделаться от соседки, Лидочка искренне обрадовалась: Соня выходит вместе с ней, потому что в ней уже созрела внутренняя уверенность, что парень с крючковатым носом тоже едет в Переделкино и что он каким-то образом угрожает Лидочке.

Наверное, десять лет назад, нет, меньше – пять лет, Лидочка не обратила бы внимания на этого парня, по крайней мере, не заподозрила бы угрозы. Какая может быть угроза среди бела дня, когда вокруг люди? Да и кому нужна женщина средних лет и скромного вида? Но пять лет назад людей не расстреливали вот так, запросто у подъезда собственного дома, и в газетах не констатировались очередные убийства очередных банкиров и директоров. Казалось, что даже убийцы перестали бояться кары – масштабы преступлений маньяков стали теперь исчисляться десятками жертв, и это тоже стало привычным.

Лидочка не связывала того кавказского парня с ночными событиями у дома – к тому не было никаких оснований, но существовало какое-то внутреннее сходство безнаказанности. Лидочке показалось даже, что в мимолетном взгляде, брошенном на нее парнем с крючковатым носом, была наглая угроза, с какой кот смотрит на полузадушенную мышь, с которой еще не наигрался.

Поезд затормозил у занесенной снегом платформы – снег был настолько утоптан по краю, что легко было скользнуть под вагон, и углублен тропой по середине открытой платформы. Железные дороги сдавались разрухе последними, но сдавались и они. Платформы перестали убирать, ступеньки лестниц провалились, у единственного телефона-автомата была оторвана

трубка, а бетонный забор, за которым тянулся густой высокий лес, частично рухнул – бетонные квадраты углами высывались из снега.

– Вам с платформы направо? – спросила Соня.

– Да, – согласилась Лидочка.

Сердце сжалось – парень в кожаной кепке сошел с поезда и сразу стал виден, когда несколько человек, также покинувших электричку, потянулись к началу платформы, где была лестница.

Парень и не думал скрываться. Он словно поджидал Лидочку. Но на нее не смотрел.

– Он мне не нравится, – сказала Соня, как будто угадав мысли Лидочки. – Мне кажется, что он за нами следил. Кстати, у меня есть газовый баллончик. Вы не возражаете, если я его приготовлю к бою?

– Нет, не возражаю, – ответила Лидочка. С Соней ей стало как-то спокойнее. К тому же выглянуло солнце – февральское, еще холодное, но совершенно настоящее, светящее с синего неба, цвет которого был интенсивен из-за снежного царства вокруг. Загрохотала, набирая скорость, электричка и скоро унесла с собой не только грохот, но и все остальные звуки, словно высосала их из воздуха. Лидочка обернулась: парень с крючковатым носом стоял на платформе, разглядывая верхушки сосен. Женщины прошли так близко от него, что Лидочка заметила даже наклеенный на его щеке кусочек пластыря.

– Я надеюсь, что нам по дороге, – сказала Сонечка. – Вы меня взволновали этим чеченцем.

– Почему чеченцем? – спросила Лидочка, уже догадываясь об ответе.

– Они все чеченцы. Или азербайджанцы. Им дома не сидится, а мы, лопухие, – лучшая в мире добыча. Толстые зайчики, грабь – не хочу.

Лидочка хотела было рассказать Соне, что на рассвете она видела, как убили человека, но спохватилась – получилось бы, что она как бы соглашается с Соней, а она не была с ней согласна. И Лидочка понимала, что в иной ситуации была бы даже рада отвязаться от Сони, существа мелкого, завистливого и питающегося не столько колбасой, сколько сплетнями и суевериями. Но сейчас она была даже благодарна Соне за то, что та мелко, как болонка, семенит рядом, – Лидочке хотелось оглянуться и посмотреть, следует ли за ними тот парень, но надо было заставить себя не оборачиваться. Даже если он идет сзади, он не должен догадаться, что Лидочка его боится, потому что, вернее всего, он очень хочет ее испугать. И только ли испугать?

– Вы не в Дом творчества писателей идете? – спросила Соня.

– Нет. Мне нужны дачи «Мемориала», за Домом творчества направо.

– Вот это совпадение! – обрадовалась Соня.

– Какое совпадение?

– Скоро узнаете. Я загадала и раньше времени не могу сказать.

Узкое шоссе, повернув, вывело их к воротам имения, которое, как сообщила Соня, принадлежало патриарху, потом дорога стала огибать кладбище.

– Вы знаете... – Соня показала на поднимающиеся на холм, прижавшиеся друг к дружке могилы.

– Здесь похоронен Пастернак? – угадала Лидочка вопрос Сони.

– Вот именно, – Соня была недовольна тем, что ей не удалось показать эрудицию. Она шмыгнула покрасневшим помидорчиком носа, поправила толстые очки и мелко засеменила вверх – дорога, обогнув кладбище, сбежала к мостику, за которым справа открылось заснеженное поле, а слева потянулся забор, принадлежавший, как сказала Соня, главному питомнику советских писателей. Здесь в творческих муках родились многие шедевры социалистического реализма. Соня явно повторяла чьи-то слова, вернее всего поэта-авангардиста, о котором и принялась рассказывать Лидочке:

– Я здесь позатот Новый год встречала, меня тогда один Борис кадрил, он потом в Штаты уехал. Ему самому путевку не дали, но у него там каждый второй – знакомый, вплоть до Евтушенки. Двое суток гудели. Группен-секс был самым невинным развлечением.

Соня привирала, но Лидочка не стала возражать. Сырой морозный ветер дул с поля.

– Здесь природа обалденная, – продолжала Соня. – Тишина, сосны – правда, компания смешанная. Приличных людей немного.

Видно, с авангардистом ничего не вышло. Даже в пределах группен-секса. В то же время поэт-авангардист, склонный к разврату, и в поклонниках украшает женщину. Это тебе не реалист Некрасов.

Из ворот Дома творчества, за которыми были видны старые дачи и гараж, вышла пара пожилых людей, тепло закутанных. Они придерживали друг друга, чтобы не поскользнуться. Шарфы у них были замотаны под поднятыми воротниками, точно как у первоклассников. Старички вежливо поздоровались с Соней.

– Еще помнят, – сразу сообразила Соня. – Два года прошло. Я с ними о жизни много говорила. Он Чехова помнит.

Лидочка не стала спрашивать Соню, в каком году умер Чехов, потому что Соня ответила бы, что речь идет о другом Чехове, скажем, о племяннике великого писателя.

Вскоре забор кончился, и они свернули на узкую дачную улицу, ограниченную оградами из штакетника. Ветер задувал сюда не так яростно, но все равно было зябко.

– Когда вы со мной рядом сели, – сказала Соня, и ее карие глазки излучали радость, – я подумала, вот бы хорошо, если бы мы с вами сошли на одной станции. Вы мне с первого взгляда понравились. Я подумала, а может быть, вы писательница?

– Я художница... и фотограф. Теперь – фотограф.

– А я что говорю! Это же почти одно и то же. Вот моя любимая писательница Вика Токарева, вы с ней незнакомы? Вика Токарева сама иллюстрации к своим книжкам рисует.

– Вот никогда бы не подумала.

– Вы еще много от меня узнаете! Вы будете благодарить небо, что оно нас свело.

Когда Лидочка сказала, что она фотограф, в том не было притворства. Когда-то она была убеждена в том, что отдала жизнь искусству. Но основным плодом ее таланта стали сотни акварельных иллюстраций к Большому ботаническому атласу СССР, который готовил ее институт. Лидочке пришлось уехать, а оригиналы пропали неизвестно куда. А в последние годы Лидочка увлеклась фотографией, сначала в качестве компенсации призванию, а потом – осознав, что обрела истинное занятие.

Направо вел узкий проулок.

Лидочка остановилась, чтобы попрощаться с Соней. Соня остановилась, чтобы попрощаться с Лидочкой, потому что, как они тут же признались друг дружке, нельзя поверить в столь невероятное, а впрочем, обычное совпадение.

Возвращаясь потом мысленно к произошедшим событиям, Лидочка понимала, что ею управляли чудодейственные совпадения. Ведь и утренняя пуля могла попасть Лидочке в сердце, и потом знакомые бы говорили: «Представляешь, какое невероятное совпадение! Она провожала Андрюшу, подошла к окну, и тут ей в сердце попала пуля рэкетира. В центре Москвы в шесть утра, ты представляешь?»

То, что Сонечка Пищик направлялась именно к Татьяне Иосифовне, а не в любой из домов по Киевской железной дороге – также было удивительным совпадением.

– Сейчас вы мне скажете, – радостно сообщила Сонечка, когда они бок о бок повернули в узкий переулок, – что вам нужна дача номер шесть – бывшего поселка «Чайка», в котором живут ветераны «Мемориала»?

– Дача шесть, – покорно согласилась Лидочка.

– И вам нужна Татьяна Иосифовна Флотская?

– Почему вы так думаете? – частично смирившись с господством случайностей и бессмысленностью здравого смысла, Лидочка все же сопротивлялась слишком обширным знаниям соседки по электричке.

– А очень просто, – глазенки Сонечки за очками сверкали, как в битве, полные щечки адели, а губы бантиком все старались разъехаться в тонкий полукруг – как рисуют дети смеющегося человечка: точка, точка, два крючочка... – Вы же признались, что идете на дачу номер шесть? Правильно?

– Правильно.

– А на этой даче зимой остается лишь одна Татьяна Иосифовна. Она работает над мемуарами. Ей нельзя мешать, ей нужен полный покой и изоляция. А другие дачи вокруг пустуют. Летом за них страшная драка между ветеранами. А зимой живи – не хочу. Вы знаете, эти ветераны лагерей совершенно не отличаются от ветеранов большевизма – такие же склоки и борьба за копейку. Честное слово. Я не выношу всех этих демократов-плутократов и других грабителей народа. Татьяна вам приказала продуктов привезти?

– А вы ее родственница? – осторожно осведомилась Лидочка. Ведь Соня знала даже о продуктах, в которых нуждалась Татьяна Иосифовна.

– Не совсем родственница, – возразила Соня и вытерла варежкой красный носик. – Я – лучшая подруга ее дочери. Это совсем не значит, что она меня за это любит.

– А я когда-то знала ее мать, – сказала Лидочка.

– Бабушку Маргариту? Так я ее еще по школе помню. Я помню, как она Аленку до третьего класса через дорогу водила.

Сумка с продуктами оттягивала руку: там четыре килограмма картошки, капуста, апельсины, отбивные, помидоры – общим весом больше чем полпуда.

Лидочка бросила взгляд на руки Сони – впрочем, этого можно было не делать, ведь они уже минут десять шагают рядом: хозяйственную сумку Соня не несет – только простую дамскую сумочку через плечо.

Лидочке хотелось спросить, почему Соня приехала налегке, но тут ей словно ударили в затылок: она обернулась.

Тот парень стоял у входа в тупик, отделявшийся от переулка, сунув руки в карманы синей, плохо гревшей куртки, кепка еще более съехала на нос. Он стоял и притопывал. Ему было холодно.

Соня тоже обернулась.

– Так я и думала! – громко заявила она. – Мелкий бандит. Сейчас я с ним поговорю.

– Постойте! – крикнула ей в спину Лидочка.

Но Соня уже уверенно направилась к парню, снимая на ходу с плеча сумку, будто это был автомат.

Похоже, что парень тоже решил, что в него сейчас будут стрелять. Он шагнул в сторону – и исчез.

И тут Лидочка догнала Соню.

– Ну что вы делаете! Вы с ума сошли! Чем вы хотели его испугать?

– Гласностью, – ответила Сонечка. – Преступный мир тем и известен, что боится гласного суда.

В переулке возникли быстро шагающие молодые люди – компания, видно, из местных, потому что они громко обсуждали поведение какого-то Степана, но тут же они миновали просвет между заборами, словно сцену, и скрылись за кулисами.

Сцена была пуста.

– У меня газовый баллончик, – сказала Соня. – Я уже вам об этом говорила?

– И все же давайте пойдём к Татьяне Иосифовне, – попросила Лидочка.

Соня похлопала себя по сумке.

– Вот здесь лежит. И знаете – ужасно хочется попробовать, но, как назло, никто на меня не нападает. Я даже жду.

– Едва вы успеете вытащить газовый баллончик, как любой бандит отнимет его у вас прежде, чем вы из него выстрелите. И очень на вас рассердится.

– А вот это мы посмотрим, – сказала Соня, но Лидочке удалось развернуть ее и направить к даче.

* * *

За зеленым штакетником густо стояли елки и березы, указывая на то, что участок – не коммерческий, а дача в традиционном понимании этого слова, придуманная еще Чеховым: там пьют чай на веранде, танцуют под граммофон или более современное устройство, флиртуют за сиреневым кустом, стреляются в белой беседке... но никогда не разводят картошку или огурцы. В лучшем случае, крыжовник.

Дач было несколько, от калитки можно насчитать пять. Лишь к двум из них вели тропинки, вытопанные в глубоком снегу.

– Мы у нее с Аленой два раза были, – призналась наконец Сонечка.

Она просунула руку сквозь доски и нащупывала крючок или засов.

– Алена – это кто? – спросила Лидочка.

– Алена – ее дочка. Вы разве не знаете?

– Я же сказала, что никогда не видела Татьяну Иосифовну.

За ночь поднасыпало снега, и потому открыть калитку было нелегко – пришлось навалиться вдвоем, и на снегу остался очищенный полукруг.

Они прошли к даче гуськом.

Татьяна открыла не сразу, пришлось ждать минуты три. Сонечка, относившаяся к Татьяне Иосифовне скептически, сообщила:

– Думаете, она нас не видела? Она наверняка с утра у окошка стоит. Но надо же гонор показать. К тому же она сейчас вычисляет, почему это черт нас вместе принес? А вдруг мы знакомы?

Наконец за дверью послышались шаги, и оттуда донесся низкий голос:

– Не открывайте сразу, я отойду, чтобы не простудиться.

Щелкнул замок.

– Раз, два, три, четыре, пять, – сказала Соня. – Вышел зайчик погулять...

Так как Соня медлила, Лидочка сама отворила дверь.

Они оказались в прихожей, кое-как освещенной из узкого окна над дверью.

Дверь в комнату приотворилась. Татьяна Иосифовна сопливо спросила в щель:

– Дверь на улицу закрыли?

– Закрыли.

– Как следует? А то она неплотно прикрывается, и из-под нее дует.

– Все в порядке, Татьяна Иосифовна, – сказала Соня. – Мы как следует ее закрыли.

И тут Лидочка почувствовала в голосе своей новой знакомой необычные нотки – опаски, легкого повизгивания, какими встречает мелкая собачонка забредшего на площадку дога.

Дверь в комнату заскрипела, преувеличенно громко, словно в фильме ужасов. Татьяна Иосифовна отпрянула назад, прижимая к лицу носовой платок.

– Я надеюсь, – прогундела она сквозь платок, – что вы не принесли с собой инфекцию.

Это было странно слышать от простуженного человека.

В комнате было жарко и душно, пахло дешевыми духами, под потолком жужжали мухи.

– Здравствуйте, – сказала Лидочка, – моя фамилия Берестова. Я договаривалась с вами о встрече по телефону.

– Заходите, заходите, дитя мое, – сказала Татьяна Иосифовна жеманно.

Она была мягким, расширяющимся к полу существом в лиловом халате. Но как только Татьяна Иосифовна отняла от носа платок, Лидочка увидела, что лицо хозяйки не совсем соответствует столь объемному и текущему к земле телу. Толстошее лицо было снабжено острым, красным в конце британским носом, тонкими сомкнутыми губами и выступающим вперед острым подбородком. Еще несколько лет, и это лицо станет лицом старой карги, ведьмы, злой колдуньи – пока же будущее в значительной степени скрывалось за дымчатыми очками. Если очки Сони были невелики и безжалостно уменьшали и без того небольшие глазки, то очки Татьяны Иосифовны могли заменить собой колеса старинного автомобиля, и глаза за ними казались карими, в зелень, озерами, что смягчало резкий и неприятный облик пожилой женщины.

Лидочка оглянулась на Соню, не будучи уверена, к кому из них относится приглашение, но Соня оставалась в дверях, всем видом изображая почтение и даже смирение. Значит, приглашали не ее.

Татьяна Иосифовна не замечала Соню.

Даже не поздоровалась с ней.

– Пальто вешайте здесь, – сказала она Лидочке. – Тут же снимайте обувь – мне за вами трудно убирать. Вчера ко мне привели целый класс – познакомиться с настоящей писательницей! – Тут Татьяне Иосифовне пришлось прервать рассказ и шумно высморкаться. Но и без этого Лидочке было понятно, что школьники в передней у писательницы наследили и ей пришлось за ними убрать. Может быть, из-за этого писательница и занемогла.

Лидочка разделась, а все еще незамечаемая Соня повторяла ее движения, и, пока Лидочка, сидя на стуле, стаскивала сапоги, Соня стояла, опершись об этот же стул рукой, и другой тоже снимала сапоги.

Тем временем Татьяна Иосифовна взяла у Лидочки сумку с продуктами и исчезла с ней – видно, пошла разбирать. Лидочка оказалась права, потому что почти сразу справа, где, по всей видимости, была кухня, донеслись возгласы удовлетворения, низкие, басовитые, напоминавшие Лидочке уханье марсиан из «Войны миров», когда те кушали добрых англичан.

– Чего ты ей такого притащила? – вполголоса спросила Соня.

– Что она попросила. Картошки, мяса, еще чего-то...

– С рынка? Мясо с рынка?

– Мясо с рынка.

– Это она ценит.

И Лидочка поняла, что Соня почему-то нуждается в Татьяне Иосифовне, но при том побаивается и недолюбливает ее. И эти чувства взаимны.

– Спасибо, Лида, – произнесла Татьяна Иосифовна, вернувшись в комнату. – Если бы не жестокая простуда, я бы вас расцеловала. Это ничего, что я вас просто по имени называю? Ведь я вдвое старше вас, Лидочка. Вы знаете, что я должна вам сказать? Да вы проходите, проходите в комнату. Шлепанцы нашли? Так проходите. И садитесь пока.

– Я вам помогу готовить...

– Это мы еще обсудим. Соня, поищи получше, там должны быть другие шлепанцы, я не желаю, чтобы ты разгуливала по дому босиком и оставляла всюду следы.

– Какие следы может оставить человек в чулках? – спросила Соня.

– Грязные, – лаконично ответила Татьяна Иосифовна.

Соня присела на корточки у вешалки, возле которой были свалены сапоги, валенки, туфли и даже, кажется, галоши.

– Мне и без того трудно выходить из дома. И некогда, и трудно. И как вы понимаете, люди привыкли тебя использовать, радуются такой возможности, но очень редко сами способны на альтруистические поступки. Вы меня понимаете?

– Если вы обо мне...
– Меньше всего я думала сейчас о тебе, девочка. Ты – счастливое исключение.
– Я к вам приехала, – вмешалась забытая Соня, – чтобы поговорить об Алене.
– Ну что там еще у вас произошло? – капризно спросила Татьяна Иосифовна.
– Еще не произошло, – произнесла Соня так, словно сообщила о завтрашнем наводнении, – но в любую минуту может произойти.

Лидочка последовала за Татьяной Иосифовной на кухню, так как поняла, что ее присутствие там может понадобиться. Соня тоже направилась на кухню, к счастью просторную. Продукты, привезенные Лидочкой, были разложены на столе, который никто не вытирал лет пять.

– Я плохой повар, – сказала Татьяна Иосифовна и склонила голову, словно клюнула что-то острым ножом. – Моя жизнь сложилась так, что я почти всегда голодала. Для меня было счастьем съесть целую картофелину. Но приходилось делить ее с ребенком. И ребенку доставалась большая часть.

Лидочка поймала себя на недостойной мысли – ей представилось, как Татьяна Иосифовна делит большую-большую картофелину на две части и себе берет меньшую, но потом добавляет к ней шмат сала и всякие прочие яства, и это называется у нее суп из топора.

– Я распухла еще в ссылке, – сказала она Лидочке, словно угадав, что ее вид неубедителен для новой знакомой. – Я была у сотни врачей, последние годы провела на диете. Даже в Голландию в прошлом году ездила – там практикует удивительный чародей с острова Бали... – Вдруг ее тон изменился. – Это вам не так интересно! Вам кажется, что жизнь еще впереди и вы никогда не станете такой же старой развалиной, как я. И это неправда!

Теперь перед Лидочкой стояла Складовская-Кюри, только что открывшая радиоактивность.

– Вы будете старыми, дряхлыми, немощными. Это неизбежно... Но я провела жизнь в мучениях и тоске по ближним, я была лишена жизни и потому имею право быть уродливой. А вы нет!

– Вы не уродливая, – поспешила возразить Соня.

– Что же вы тогда именуете уродством, мои крошки? – Татьяна Иосифовна усмехнулась. И тут же, не дожидаясь ответа, продолжила: – Я думаю, что мы обойдемся без супа. Но вот мясом и картошкой займется Лидия. Я убеждена, что она отлично готовит. К тебе, Софья, у меня доверия нет, готовишь ты плохо, – сказала она, забыв о Лидии и выходя из кухни с Соней, словно вопрос с обедом был уже окончательно решен.

Уже войдя в комнату, Татьяна Иосифовна крикнула оттуда:

– Я разберусь с Соней и тут же поговорю с вами. Так будет лучше, Лидочка.

«Что ж, – подумала Лидочка, – не будем спорить, ибо если моя миссия удастся, если я приехала сюда не зря, то можно приготовить ей обед».

Кухня была оборудована разномастно, скудно, но посуды было достаточно для троих, только найти тарелки и ложки удалось не сразу, – видно, Татьяна Иосифовна пользовалась только одним комплектом и редко мыла посуду. Ее мало кто навещал, если и навещали, то не кормились. На счастье, в кухне была газовая колонка, и Лидочка пустила воду, чтобы сначала хотя бы вымыть кастрюлю и нож. Потом уж, пока картошка будет вариться, она вымоет остальное.

Несмотря на то, что лилась вода и шумела газовая колонка, Лидочка отлично слышала беседу, что велась за стенкой, – перегородка была фанерной или картонной, да и женщины вскоре после начала разговора повысили голоса. Лидочка не испытывала угрызений совести из-за того, что подслушивает чужие тайны: ведь, в конце концов, Татьяна Иосифовна знает об акустических особенностях ее дома. Да и нет особенных тайн в разговоре, хотя, конечно, он не предназначен для посторонних ушей.

– Ты могла бы чего-нибудь привезти, – это были первые слова Татьяны, услышанные Лидочкой. – Посмотри, Лида – чужой человек, совершенно чужой, но не поскупилась на элементарные продукты для пожилой женщины.

– Неужели вы ей не подсказали, что вам нужны эти элементарные продукты? – спросила Соня, показывая зубки.

– Она – чужой человек, впервые здесь.

– И еще не знает, как вы умеете использовать людей.

– Еще одна подобная фраза, Соня, и ты вылетишь отсюда.

– Лиде что-то от вас нужно, вот пускай и старается. А я к вам притащилась из-за вашей дочки, в этом вся разница.

– Как ты цинична, Соня.

«В таких случаях, – подумала Лидочка, – спортивные комментаторы говорят, что боксеры проводят разминку».

– Вы не спрашиваете, почему я вдруг приехала. Взяла и приехала, – послышался голос Сони.

– Чтобы пообедать? – с иронией спросила хозяйка дома.

У нее был молодой голос, он не состарился вместе с хозяйкой. Когда говоришь с такой женщиной по телефону, рассчитываешь увидеть благородное изящное существо – только таким природа дает звучные с хрипотцой голоса. Здесь же природа схитрила.

– Меня беспокоит состояние Алены, – произнесла Соня.

– Оно всех давно беспокоит, – ответила Татьяна Иосифовна, щелкнув зажигалкой и, видимо, закурив сигарету.

– У меня такое впечатление, что она на грани срыва, – сказала Соня.

– И это заставило тебя бросить все и кинуться ко мне, в глушь, зная, что я давно уже не авторитет для собственной дочки и что мои увещевания вызовут лишь обратную реакцию.

– Но все же вы ее мать. А я ее ближайшая подруга.

– Меня вообще удивляет, что у Алены может быть подруга. Я вспоминаю слова: «И у крокодила есть друзья». Ты слышала?

– Неужели вам безразлична судьба вашей единственной дочери?

В голосе Сонечки задрожали слезы.

– О господи! Почему я родилась в стране демагогов?! – воскликнула Татьяна Иосифовна. – Ты лучше расскажи мне, что вам с Аленой или тебе одной от меня нужно. Только учти, что денег у меня нет и никогда ни для Алены, ни для тебя не будет.

– Мне не нужны ваши деньги, – сказала Соня. – Я приехала, потому что всерьез обеспокоена судьбой Алены. Вы знаете, что она практически перестала принимать пищу. Она похудела на пять килограмм.

– Я мечтаю об этом.

– В ваши годы об этом можно не задумываться.

– Не спеши загонять меня в могилу.

Лидочка хотела отбить мясо, но потом передумала. Ей становился весьма любопытен нечаянно подслушанный разговор о незнакомой Алене, дочери Татьяны Иосифовны, и уж совсем не хотелось напоминать собеседницам, что за стеной стоит невольная слушательница.

– Так что же изменилось? – Татьяна Иосифовна сердилась. – Чем ее состояние отличается от того, что было год назад?

– Она в кризисе.

– Это что означает?

– Это означает, что Алена близка к самоубийству. Я не боюсь этого слова, потому что я стараюсь предотвратить это несчастье, но я не всемогуща.

– А чем я могу помочь?

– Вы рассуждаете, будто вы и не мать Алены, а совершенно посторонний человек. Даже соседи по дому беспокоятся о ее состоянии.

Разговор за стеной прервался.

Лидочка представила себе, как Татьяна Иосифовна, вальяжно расположившись на диване, медленно курит, не глядя на Соню, а та нервно примостилась на краешке стула, готовая продолжить свою речь и понимая, что у нее нет слушателя.

Лидочка представила себя на месте Сони – и ощутила бессилие от бесплодной попытки выполнить миссию.

– Ты хочешь, чтобы я позвонила и поговорила с ней? – спросила наконец Татьяна Иосифовна.

– Только при условии, что вы не скажете, что я к вам приезжала.

– Ну уж совсем сумасшедший дом! А с чего это я ей позвоню? Что я ей скажу? До меня дошли слухи?..

– Если она узнает, что я ездила к вам, она меня никогда не простит. Вы сделаете еще хуже. Вы не представляете! Она же как на краю пропасти – неосторожный толчок, и она может сорваться вниз!

Соня громко всхлипнула, Татьяна Иосифовна недовольно произнесла:

– Не надо этих театральных представлений. Они никому еще не помогали.

– Я не представляю...

– Мне пришлось, в отличие от тебя, прожить трудную жизнь, на грани голодной смерти, поминутно всем рискуя. И я научилась эту сволочную жизнь ценить. Ценить каждую ее минуту!

– Татьяна Иосифовна, я все знаю, – устало произнесла Соня. – Мы же сейчас не о вас говорим, а об Аленке. Вы же живете в отдельной даче, водопровод, канализация и так далее. А ваша дочь в Москве готова покончить с собой.

– Но уж не от голода! – воскликнула Татьяна Иосифовна. – А от простой банальной причины, которую я называю распушенностью.

– Вы можете называть это как хотите, но я, как ее ближайшая подруга, официально вам заявляю: Алenuшка страдает. Искренне страдает. Из-за этого мерзавца она готова покончить с собой.

– Когда на сцене появляется очередной мерзавец, я это и называю распушенностью. Нельзя метаться всю жизнь в поисках мужских объятий. Нужно уметь сохранить чувство человеческого достоинства.

Лидочка поставила кастрюлю с очищенной картошкой на плиту, потом стала искать, где Татьяна хранит масло, чтобы поджарить мясо. Она опустила на корточки, открыла дверцы шкафа под кухонным столом. Оттуда выбежали вереницей несколько больших черных тараканов. Лидочка отпрыгнула и чуть не села на пол – она не выносила этих тварей.

– Извините, – бубнила за стеной Соня. – Я приехала к вам не потому, что люблю слушать ваши поучения. Со мной все в порядке. Я не собираюсь травиться или стреляться. Речь идет о вашей единственной дочери.

– Но я же не могу к ней поехать! Я физически не в состоянии.

– Заставьте ее приехать к вам! Прикажите. Вы же умеете.

– Ну, хорошо, хорошо. Я сейчас кончаю шестую главу воспоминаний. Кстати, как тебе название: «Остров ГУЛАГа». Правда, неплохо? Я билась над названием две недели. А в пятницу проснулась ночью и подумала: ведь лагерь – это остров, один из островов – ты меня поняла?

– Татьяна Иосифовна! – Сонечка могла быть упорной. – Я приехала к вам потому, что боюсь за судьбу вашей дочери. Неужели вы не понимаете, что речь идет о жизни и смерти хорошего человека! При чем тут название книги?

– Жизнь нам дается только один раз... – начала было Татьяна Иосифовна и оборвала сразу, узнав, видно, в ней неудачную цитату.

Лидочка чуть было не рассмеялась: уж больно забавно прозвучала цитата в устах Татьяны Иосифовны.

Подсолнечное масло обнаружилось в холодильнике, на дне литровой банки.

– Вы говорите о своей дочери, – голос Сонечки повысился, она перешла в наступление, – словно она вам чужой человек, будто мы с вами не сидели на кухне и не обсуждали ее судьбу после первой попытки самоубийства.

– Ах, ты напомнила! – с сожалением произнесла Татьяна Иосифовна и вплыла на кухню. Лидочка как раз собиралась лить масло на сковороду.

– Нашла масло? А я боялась, что не найдешь. И, пожалуйста, Лидочка, не трать много масла – мне так трудно ходить в магазин.

Соня стояла в дверях, смотрела в спину старой писательницы и старалась привлечь внимание Лидочки гримасами и дать ей понять, с каким чудовищем ей, Сонечке, ратующей за спасение подруги, приходится иметь дело.

– Ты, разумеется, слышала наш разговор, – утвердительно произнесла Татьяна Иосифовна. – Не возражай, здесь перегородки фанерные, каждое слово слышно.

– Я занималась обедом, – ответила Лидочка, но это прозвучало как попытка оправдаться.

– Я ценю твою деликатность, но она сейчас никому не нужна. И раз уж ты оказалась здесь в это время и в этот час, – старая женщина подняла вверх толстый указательный палец, как бы призывая аудиторию к молчанию, – то тебе недурно бы знать, что Алена – моя родная дочь, ей тридцать два года, она ни на что не годна...

– Татьяна Иосифовна, ну как вы можете! – теперь Соня готова была расплакаться.

– Да, могу! Имею на то моральное право! – Она обернулась к Лидочке. – А знаешь ли ты, Лидия, что за последние годы Алена ни разу не удосужилась навестить больную мать, не привезла ей жалкого кусочка хлеба! Ни разу не поздравила с Рождеством. В это трудно поверить? Но это именно так.

– Но речь идет о ее жизни! – вмешалась Соня.

– Хватит! Я знаю, что Аллочка истеричка! – Теперь обе они стояли на кухне, почти прижимаясь к Лидочке, и кричали друг на дружку через ее голову. – Еще в школе она устраивала дикие скандалы – мне пришлось трижды переводить ее в разные школы.

– Но не об этом сейчас речь! Не время выяснять отношения. Вы должны поговорить с ней, иначе будет поздно.

– Она уже пять раз устраивала самоубийство! – кричала Татьяна Иосифовна Лидочке. – Пять раз, и каждый раз весьма разумно! Так, чтобы не повредить своему здоровью.

– Как вы смеете! Это голый цинизм! – кричала Соня в другое ухо Лидочке. – Вы потеряете последнее близкое вам существо на этом свете.

«Господи, они же обе на сцене, а я – зрительный зал. И еще заплатила за билет натуральным продуктом».

– Прекратите бой, – попросила Лидочка. – Скоро ленч будет готов.

– Ленч? – Татьяна Иосифовна как бы переваривала значение слова. Потом поняла, улыбнулась. – Ленч, – повторила она. – Какое сладкое слово. Вот именно, сладкое. Со мной сидела одна болгарка из Земледельческого союза, если не ошибаюсь. Она всегда говорила это слово – сладкая погода, сладкий надзиратель...

На время бой прекратился – женщины принялись помогать Лидочке накрывать на стол, а Татьяна Иосифовна вовсе расщедрилась и достала полбутылки «Мартини», сообщив, что к ней приезжали брать интервью из «Столицы», и она взяла гонорар бутылкой «Мартини».

Перемирие, отвлечение от главной темы спора, было кратким, но продолжение спора приняло несколько иной характер. Татьяна Иосифовна сказала Лидочке:

– Вся моя молодость прошла в лишениях. Мне не на кого было опереться, и прежде чем я осознала себя и свое место в жизни, я уже попала под тяжелый пресс сталинских репрессий.

Татьяна Иосифовна говорила все громче, как бы с трибуны.

– Я старалась дать Аленочке все, что могла. Но много ли могла я? Мне приходилось отрывать от себя последние куски!

– Татьяна Иосифовна! – вмешалась Сонечка. – Не надо об этом!

Татьяна Иосифовна осторожно отрезала кусок мяса, осмотрела его и спросила:

– А у вас на рынке есть санитарный контроль?

Неожиданный переход сбил Лидочку с толку – она даже не сразу сообразила, что же Татьяна Иосифовна имеет в виду?

Но и Татьяна Иосифовна забыла о вопросе, потому что обернулась к Соне и сказала ей:

– Алена может иметь ко мне субъективные претензии. Но никак не объективные. В конце концов, факт наличия у меня собственной личной жизни не должен был отвращать ее.

– Я не говорю о прошлом! – Сонечка посмотрела на Лидочку умоляюще, словно искала у нее поддержку. – Но сегодня вашей дочери очень плохо. Она близка к смерти.

– Ах, оставь, я ненавижу шантаж! – воскликнула Татьяна Иосифовна. – К сожалению, с возрастом у Аленки выработался псевдосуицидальный комплекс. Вы меня понимаете? То есть Алена стремится к самоубийству, но не к самой смерти, а к попытке, чтобы вызвать сочувствие или страх у окружающих. В первую очередь у разочаровавшихся поклонников.

– Татьяна Иосифовна! – взмолилась Соня. – Поймите же, что у Алены, кроме нас с вами, нет близких людей.

– Она сама в этом виновата.

– У нее нет никого! Неужели родная мать от нее отвернется?

Обе женщины удовлетворяли свою страсть к театральности, обеим роли достались трагические, со слезой, и конфликт грозил достичь древнегреческих высот.

– Лучше тебе уехать, – сказала Татьяна Иосифовна. – Пока еще не поздно, тебе лучше вернуться в Москву. Твое присутствие выводит меня из себя.

– Я не уеду, пока не добьюсь от вас согласия позвонить Аленушке. Хотя бы позвонить.

– Ну подожди, сначала поедем, – ответила, подумав, Татьяна Иосифовна.

Она стала быстро и обильно накладывать себе в тарелку картошку и мясо, словно мысленно уже отсчитывала, кому сколько положено, и себе, как старшей, выделила большую дозу.

Она ела шумно, мелко и быстро, как бы стараясь растянуть удовольствие от еды и в то же время насладиться как можно интенсивнее.

Соня ела также с удовольствием, но, поймав на себе взгляд Лидочки и ложно истолковав его, громко сказала:

– Кусок в горло не лезет, честное слово.

– Это от избалованности, – заметила Татьяна Иосифовна. – Ты не знаешь цену сухой горбушке.

– Вы бы радовались, что мое поколение обошлось без этого, – ответила Соня. – А вы как будто злорадствуете.

– Я говорю горькую и нелицеприятную правду. И мало кто любит ее слушать.

Соня вздохнула и отрезала кусочек мяса. Лидочка видела, что Сонечка голодна и с удовольствием умяла бы всю тарелку, но она сама загнала себя в роль несчастной подруги, лишившейся аппетита.

– А кто чайник поставит? – спросила Татьяна Иосифовна. – Лидочка привезла торт, и он уже почти разморозился.

Соня поднялась и спросила:

– А где чайник?

– Синий чайник стоит на плите. Милостями Лидочки даже растворимка появилась в нашем доме.

Сонечка пожалала крутыми плечиками и направилась на кухню. Татьяна Иосифовна спросила Лидочку:

– Вы мне рассказали по телефону о шкатулке. Может, вы сможете ее описать?

– Разумеется! – сказала Лидочка. – Эта история началась еще до войны. Моя бабушка дружила с вашей мамой.

– Я знаю, знаю! – радостно ответила Татьяна Иосифовна. – Я даже нашла ее фотографию. Соня, достань альбом. Вон там, на стеллаже. Правее, еще правее. Ну что же ты, слепая, что ли? Синий! Вот именно. Спасибо.

Соня уселась на свое место, а Татьяна Иосифовна раскрыла старый, переполненный наклеенными, а то и просто вложенными фотографиями, альбом. На первой странице оказалась групповая фотография, судя по одежде – тридцатых годов.

– Вот моя мама, а рядом – ваша бабушка, Лида. Мне же мама все рассказывала. Я сама плохо помню вашу бабушку, но мама рассказывала. И я сразу узнала. Я поэтому и вас сразу узнала.

На глянцевой, чрезвычайно четкой фотографии – так и представляешь себе покрытый черным платком, согнутый вперед торс фотографа, как бы приставленный сзади к деревянной, на ножках коробке с пирамидальной гармошкой объектива, – была изображена группа людей на фоне фонтана и пальм. Группа состояла из нескольких обритых либо коротко остриженных мужчин в белых сорочках и светлых мятых брюках, возлежащих у ног легкомысленно хохочущих девиц в сарафанах и панамках. Все эти люди излучали жизнерадостность и беззаботность.

– Тридцать пятый год, – сообщила Татьяна Иосифовна. – Мало кто из них протянул больше двух лет.

– Это точно ваша бабушка, – сказала Соня, показав на молоденькую Лидочку, стоявшую в обнимку с бровастой, пышной, чернокудрой красавицей.

– Правильно, – согласилась Татьяна Иосифовна, – а рядом моя мама. Меня же, как всегда, оставили в Москве.

– А я думала, что вашего папу в честь Сталина назвали, – разочарованно произнесла-протянула Соня. – А он получается старше.

– Нет, когда папа родился, никто не подозревал о том, что один грузинский бандит станет освободителем человечества. Поэтому моего папу назвали так в честь одного плотника.

– Плотника? – удивилась Соня. – А почему плотника?

– Такая была специальность у папы Христа. Иисуса Иосифовича. Поняла?

– Ах, я совсем забыла, – Соня покраснела, даже круглый носик покраснел. Особенно покраснели щечки – казалось, что их незаметно помазали свеклой.

– Тогда считали, – сказала Лидочка, – что с вашей мамой, с Маргошкой, ничего не случится. Она имела большие заслуги перед партией... – Лидочка, произнеся эту формулу, сделала осторожную паузу, опасаясь, что вызовет вспышку гнева у диссидентки, но Татьяна Иосифовна лишь послушно склонила голову. – И ее муж, ваш папа, занимал большой пост.

– Это никому не помогало, – сказала Татьяна Иосифовна. – Сталин с наибольшей яростью уничтожал старые ленинские кадры.

Она вздохнула. Сонечка, как дитя другой эпохи, не подумав, произнесла:

– Что Сталин, что Ленин – один сатана.

– Ах, что ты понимаешь! – вздохнула Татьяна Иосифовна.

Сонечка и в самом деле ничего не понимала.

– Моя бабушка, – сказала Лида, – оставила у Маргошки шкатулку с археологическими находками и дневниками деда. На время. А потом началось...

– И всех арестовали? – спросила Соня.

– Не сразу, – ответила Лидочка. – И это – долгий рассказ.

– Человеческие судьбы – всегда долгий рассказ, – подтвердила Татьяна Иосифовна.

– Все эти годы в нашей семье сохранялась надежда, – продолжала Лида, – что шкатулка с находками и документами хранится где-то в вашем доме. Ведь Маргарита, как я знаю, даже чувствуя опасность ареста, уговаривала мою бабушку не брать у нее шкатулку. Потому что она хранит ее в безопасности.

– Она не смогла сохранить не только себя, но и меня! – с осуждением заметила Татьяна Иосифовна.

– Господи, какая тайна! Как интересно, – прошелестела Соня.

– А поэтому вы можете понять, что мы никогда не теряли окончательно надежды, – сказала Лидочка. – Ведь так хочется надеяться.

– А какая это была шкатулка? – спросила Татьяна Иосифовна. – Если она была в нашем доме, то я бы запомнила, я помню все мамины вещи.

– Вряд ли Маргарита увезла эту шкатулку в тюрьму или в ссылку.

– Но она могла выкинуть все вещи, а шкатулку использовать как ящик, – предположила Соня. Лидочка давно допускала такой вариант и огорчилась тому, что, помимо нее, так же думает посторонний человек.

– У меня есть ее рисунок. Моя мама сделала его по памяти.

Лидочка достала лист, сложенный вчетверо.

Она развернула его на столе, между тарелками. Это была простая шкатулка, формой напоминающая сундучок, из-за того что крышка была немного выпуклой.

Шкатулка стояла на ножках, сделанных в форме деревянных шариков, а рядом аккуратно были проставлены размеры – двадцать на тридцать два сантиметра, а высота – шестнадцать сантиметров.

– Она большая, – сказала Сонечка, отмерив расстояние на столе.

– И тяжелая, – добавила Лидочка.

– Нет, – уверенно сказала Татьяна Иосифовна, – такой шкатулки я не видела.

Лидочка, конечно же, готовила себя именно к такому ответу, но тем не менее была ужасно расстроена.

– Вы говорите об археологических находках, – произнесла Татьяна Иосифовна. – «А может быть, они лежали не только в шкатулке?»

Лидочка подхватила кончик путеводной ниточки.

– Как же я не подумала! Конечно, что-то могло сохраниться и без шкатулки.

– Впрочем, – Татьяна Иосифовна склонила крупную птичью голову, посаженную на моржовое тело, – я могла и видеть шкатулку, но не обратить внимания... В каком году, вы говорите, она была передана моей маме?

– В тридцать восьмом.

– За три года до ареста мамы.

– И вам уже было... – Лидочка запнулась.

– Мне было восемь.

– Но, может, Маргарита хранила шкатулку в другом месте?

– Где? – вскинулась Татьяна.

– На даче?

– У нас тогда была государственная дача. Мама никогда не хранила там ценных вещей. Садовый участок она купила уже в конце пятидесятых.

– Но у родственников...

И тут Лидочка обратила внимание на то, что Соня подмигивает ей. Она даже не поверила сначала своим глазам. Что хочет сказать Соня?

– У нас было мало родственников, и никто не пережил этой кровавой бойни, – заявила Татьяна Иосифовна, подводя итог разговору. – Но я допускаю, что мама могла куда-то спрятать вашу коробку. И затем скрыть от меня сам факт обладания ею. Допускаю... Она не хотела, чтобы я знала то, о чем лучше не знать. Лишнее знание в те годы – лишний риск. Лишний шанс погибнуть. Она и без того меня не уберегла.

– А что она могла поделаться? – вмешалась Соня.

– Не мне сейчас судить маму, – ответила Татьяна Иосифовна, и стало понятно, что она давно уже ее осудила.

– Если бы я за мою мамочку взялась, – вздохнула Соня, – на ней бы живого места не осталось. Я уж не говорю о моем родителе. Но у них была своя жизнь, Татьяна Иосифовна. А то тут недолго и вас осудить.

– Это не входит в твою компетенцию, – холодно оборвала ее Татьяна Иосифовна. – Когда у тебя будут собственные дети, тогда мы посмотрим, как ты будешь себя вести. – Сказав так, Татьяна взяла кастрюлю и выскребла из нее на свою тарелку остатки картошки. Потом полила ее соусом с пустой уже сковородки.

– Не исключено, что у Маргариты были драгоценности. Аленка как-то вспоминала, что у бабушки было кольцо с изумрудом.

– Чепуха, – заявила Татьяна. – Маргарита была бессребреницей. Это было ленинское поколение революционеров, которые не думали о выгоде для себя. Вы путаете ранних идеалистов и хапуг тридцатых и сороковых годов.

Татьяна Иосифовна бросила на тарелку кусок хлеба и, насадив его на вилку, стала возить по доньшку, чтобы собрать самое вкусное.

– Я думаю, что никогда не избавлюсь от чувства голода, – сказала она, почувствовав взгляд Лидочки.

– Я вас так понимаю, – вдруг поддержала старуху Соня. – Я ночью встаю, иду на кухню, открываю холодильник, достаю кусок колбасы и жую, представляете?

«Интересно, почему Соня подмигивала мне? Имело ли это отношение к шкатулке? Но есть возможность проверить...»

Татьяна выскребла тарелку и спросила:

– А что у нас с кофе, девочки? – Она явно подобрела.

– Я сейчас принесу чайник, – сказала Лидочка.

– Ты, по-моему, хозяйственная, – решила Соня. – А я в чужих домах совершенно не ориентируюсь.

Лидочка не поняла, хвалят ее или осуждают.

– Ну, где же наш торт? – капризно спросила Татьяна. Лидочка принесла из кухни чайник, затем поднос с чашками и торт. И, садясь вновь за стол, как бы невзначай заметила:

– Видно, мне не остается ничего другого, как спросить о шкатулке вашу Алену.

– Конечно, – сразу, с готовностью согласилась Соня. – Именно так. Я вам дам ее адрес. А то, хотите, сама спрошу.

– Спасибо, – сказала Лидочка. – Мне очень хочется надеяться, что хоть что-то от этой шкатулки сохранилось. Клянусь, там не было никаких драгоценностей – только дневники моего деда и археологические находки.

– А какие находки? – спросила Соня.

– Когда-то перед революцией мой дед копал в городе Трапезунде, в Турции.

– А как он туда попал?

– В то время там стояли русские войска.

– И он сделал открытие?

– Да, он сделал открытие.

– А как к этому отнеслись турки?

– Честное слово, не знаю. Но, насколько мне известно, находки связаны не с турками, а с грузинами.

– Я вас потому слушаю, – сказала Соня, – что у меня в памяти все это всплывает, – она и в самом деле будто прислушивалась к собственным воспоминаниям и искренне желала вспомнить. – И мне даже кажется, что я помню рассказ о тетрадах – они были в синих твердых переплетах.

– Правильно, Соня, – в Лидочке проснулась надежда. – И где вы могли их увидеть?

– Я постараюсь вспомнить, – сказала Соня.

– Я все более склоняюсь к тому, что шкатулка была спрятана на маминой даче, – подсказала Татьяна Иосифовна. Она произнесла эти слова с каким-то вторым значением, которого Лидочка не могла разгадать.

– Свежо предание, но верится с трудом, – кухонным голосом отрезала Соня. – Вы же отлично знаете, что дача сгорела.

– Ах, я об этом все время забываю. Это так далеко от меня. К тому же мне «Мемориал» выделил настоящий дом, с газом, ванной, не то что мамина хибара.

– Что ж делать, – съязвила Соня. – У кого-то «Мерседес» по заслугам, а кто-то на мотоцикле всю старость проездил.

– Лучше пойдешь и поставь снова чайник, – велела Татьяна Иосифовна. – А то кипятку на доньшке осталось.

Сонечка послушно поднялась и прошлепала на кухню, отбивая шаги задниками старых тапочек.

– Меня очень беспокоит Алена, – тихо сказала Татьяна Иосифовна. – Я стараюсь не показывать это при дурехе Соне, но на самом деле я буду тебе очень благодарна, если ты съездишь к Алёнке, не только из-за шкатулки, а как... ну как молодая, но старшая родственница.

– Я же не родственница.

– Ах, какая разница. Ты давно уже родственница. Ты сделаешь это для меня? Ну выслушай ее, помоги ей определить свое место в жизни, убеди ее, наконец, что нельзя мыслить лишь этим самым местом – иначе мужчины не будут тебя уважать.

– А я думаю, что позвонить надо вам. – Оказывается, Соня уже возвратилась из кухни и, конечно же, слышала часть разговора.

– Ты не представляешь – что это для меня означает! – взъерилась Татьяна. – Километр по глубокому снегу человек практически без ног одолеть не может.

«Но одолела, когда заинтересовалась моим письмом», – подумала Лидочка.

– Я не могу привести в порядок дом, хотя для меня это трагедия. Я не хочу жить в грязи, но не могу вымыть пол. Я даже пыль вытираю лишь на уровне живота, – и Татьяна горько засмеялась.

– Тогда давайте договоримся, – неожиданно заявила Соня, демонстрируя Лидочке добрую сторону своей натуры. – Я останусь у вас, вымою полы, вытру пыль, а вы позвоните Алёне.

– Честно? – спросила Татьяна Иосифовна.

– Честное пионерское.

Обе теперь улыбались, и Лидочка поняла, что, несмотря на споры и ссоры, эти две женщины знакомы давным-давно и этот стаж, события, которые они вместе пережили, и, видно, любовь к несчастной Алёне объединяют их куда больше, чем кажется с первого взгляда.

Они пили кофе, говоря о вещах нейтральных, но близких к теме шкатулки – об археологии и экспедициях, в которые так часто ездил Лидочкин дед, а теперь ездит и муж, Андрей Берестов, о тайнах и последних открытиях – причем Лидочка обрела в женщинах внимательных и благодарных слушательниц. Наконец Лидочка сказала, что ей пора идти. Уже темно, а ей не хочется возвращаться поздно. И, конечно же, ее поняли, потому что хоть Переделкино

– относительно спокойное место, все же даже по центру Москвы в темноте женщине теперь лучше одной не ходить.

Так что Лидочку никто не задерживал. С Соней они договорились созвониться завтра с утра. Татьяну Иосифовну Лидочка обещала не забывать и обязательно навестить в самое ближайшее время, а не как только у той кончатся продукты и окончательно откажут ноги.

Сонечка не спешила начинать уборку, а включила старый телевизор и была огорчена тем, что в нем уже не осталось красного цвета и изображение было желто-зеленым. Но шла какая-то серия какого-то бразильского фильма, и потому Соня приклеилась к экрану и обо всем забыла.

Татьяна Иосифовна сделала жалкую попытку вспомнить что-нибудь о Лидочкиной бабушке и этим как бы восстановить древние связи, но, конечно же, ничего не вспомнила. Лидочка оделась. За окном было темно.

Татьяна Иосифовна проводила ее до дверей и, когда Лидочка вышла на крыльцо, с удивлением поперхнувшись ломким морозным воздухом, долго гремела сзади ключами и засовами, чтобы не впустить в дом ни мороз, ни воров.

Лидочка поняла, что в ней забрезжила надежда отыскать если не шкатулку и не предметы из Трапезунда, то по крайней мере тетради Сергея Серафимовича.

Лидочка дошла до калитки, рассуждая о возможном везении и о том, как вещи порой переживают своих хозяев, отворила калитку и несколько секунд постояла, оглядывая улицу и пока еще не сознавая, почему так странно себя ведет. Потом вспомнила: восточный человек в джинсовой куртке.

Вспомнив о нем, поморщилась и тут же постаралась отогнать неприятную мысль разумным уверением о том, что на двадцатиградусном морозе ни один кавказец не сможет продержаться два часа.

Она отправилась по проулку к улице. Снег стал лиловым, отражая по-зимнему черное холодное небо. Он скрипел так, что, казалось, звук ее шагов доносился по крайней мере до поспешившего показаться на небе месяца.

Интересно, станет ли Соня мыть пол или так и останется у телевизора? А Алена ждет родственного участия и не дождет. Впрочем, может быть, она более нуждается в участии какого-то неизвестного джентльмена?

Эта мысль проскочила быстро, как продолжение прежних рассуждений, и тут же оборвалась, потому что, повернув на улицу, Лидочка услышала быстрые шаги.

Она не сразу обернулась, сначала представила себе, что это торопится из школы девочка с портфелем или семенит старушка, опаздывая на электричку.

Но потом она поняла, что шаги мужские и кому они принадлежат. Потому что чеченцы вовсе не боятся морозов, а их сакли расположены на склонах гор выше линии вечных снегов или альпийских лугов... что за чепуха лезет в голову – надо же обернуться и посмотреть, далеко ли этот человек, надо решать, куда бежать спасаться – на пустую платформу или вернуться назад к Татьяне. Впрочем, на платформе могут оказаться нормальные люди... и они не дадут ее в обиду? Но до платформы бежать минут пять. За эти пять минут он ее убьет. Она чувствовала, что он хочет ее убить – только ради этого можно подвергать себя таким мучениям...

Лидочка не заметила, как побежала вперед – жертва всегда убегает вперед, не глядя куда, чем облегчает задачу преследователю.

Но, пробежав несколько шагов, поскользнувшись и потеряв скорость, Лидочка спохватилась – что я делаю? Он же меня сейчас догонит...

И Лида поняла, что больше всего ей хочется остановиться и спросить у молодого человека: «Простите, а что вам от меня надо? Я ведь ни в чем перед вами не виновата».

«А он не для разговоров со мной мерз. Он ждал, пока мы останемся одни...»

Надо закричать...

А то так громко скрипят шаги – ее, сбивчивые, неровные, его – мерные, уверенные в своей силе, в себе, словно он загонял жертву в угол, откуда не было выхода... Однако выход был, он представлял собой улицу, ведущую к железной дороге, но ей никогда в жизни не добежать до железной дороги...

Надо кричать... но почему-то не получается, дальше мыслей о крике дело не идет – рот открывается и закрывается вновь – разве это стыдно: звать на помощь? Но кто придет тебе на помощь? Люди лишь крепче запрутся в домах.

Вроде справа приоткрыта калитка.

Ринуться на участок? Но дом стоит темный, вернее всего, хозяев нет дома... и на затененном соснами участке бандиту будет куда удобнее разделаться с Лидочкой.

Здесь, под редкими фонарями, хоть останется надежда...

Надо обернуться. Он уже совсем близко, а у нее сапоги на каблуках. Это же надо быть такой идиоткой – собраться за город, а сапоги на каблуках. Но она же не знала.

– Лида... Ли-д-да-а-а!

Зачем он зовет ее?

– Лида, стой!

Это не его голос. Это знакомый голос. Надо обернуться, а как обернешься, если страшно.

Все же голова обернулась сама, и тут Лидочка поскользнулась, потеряла равновесие и совершила отчаянное падение в стиле раннего Голливуда, когда комик долго по-куриному машет руками на краю крыши небоскреба, чтобы потом сорваться и повиснуть над пропастью, держась за карниз носком ботинка.

Во время этого гимнастического номера Лидочку развернуло, и она увидела, как молодой человек в джинсовой куртке тормозит у начала ледяной дорожки, но смотрит не на нее, а обернулся, закрывая ее от взора того, кто и звал Лидочку.

– Лида! – донеслось из-за спины, и в это мгновение хлопнула калитка, та самая, в которую Лидочка хотела было нырнуть, и оттуда появился пьяный мужик с рюкзаком за спиной и мощным сверлом в руке – такими пользуются любители подледного лова.

В руке Лидочкиного преследователя что-то блеснуло, а может, ей показалось, что блеснуло, потому что должно было блеснуть, и он кинулся бежать. Он побежал назад, обогнул Соню, которая, уверенно расставив толстые ноги, стояла посреди дороги. Она погрозила ему вслед кулаком, а потом поспешила помочь Лидочке подняться.

– Он тебя испугал, да? – спрашивала Соня. Ее очки аж запотели от сопереживания, а у Лидочки тряслись губы, и она не могла ничего ответить.

– Он тебя преследовал?

– Помочь? – спросил, нависая сверху, мужик с коловоротом.

– Спасибо, не надо. Вы на станцию? – произнесла Соня.

– На станцию.

– Тогда не спешите, – приказала Соня. – Чтобы моя подруга вашу спину впереди видела. Я не хочу, чтобы на нее нападали.

– А как же я спину буду показывать, если поезд через четыре минуты? – удивился мужик. – Спешить надо.

– Тогда иди, – согласилась Соня. – А я выскочила, потому что ты забыла бумажку с адресами и телефонами.

Соня сунула в руку Лидочке смятый листок бумаги и добавила:

– Завтра позвони, все узнаешь о своей шкатулке. А сейчас беги! Чтобы спину не упустить.

И весело засмеялась.

– А ты? Ты не боишься возвращаться? – спросила Лидочка.

– Он сейчас уже к Москве подбегает, – ответила Соня. Она сняла очки и стала их протирать.

Лидочка поспешила за спиной мужика. Она успела на электричку, а когда уже сидела в полупустом холодном вагоне, то ноги отнялись. Лидочка сидела и боялась, что ноги не отойдут до Москвы – как тогда доберешься до дома?

Чтобы отвлечься от печальных мыслей, Лидочка смотрела в окно на пробивающиеся сквозь февральский снег огни все растущих, чем ближе к Москве, домов.

Потом развернула листок с телефонами и адресами. Оказывается, Алена Флотская жила на Васильевской улице, недалеко от Лидочки, пешком можно дойти...

Но избавиться от страха, который укоренился в ней, она не смогла. И если дверь в вагон открывалась, она резко оборачивалась, хотя было безопаснее прятать лицо и делать вид, что спишь. Если ее ищет убийца, то он скорее заметит женщину, которая смотрит на него в упор.

Убийца так и не появился.

Непонятно было, кому могла Лидочка досадить настолько, что ее подстерегал незнакомый и страшный человек. Это не мог быть отвергнутый поклонник, потому что всех своих поклонников Лидочка знала в лицо, и не мог быть наемник поклонника, так как все ее поклонники были самостоятельными людьми. Врагов случайных и сознательных у нее вроде бы не было... Грабитель? Но грабители не ждут два часа на жутком морозе. Сексуальный маньяк – допускаем, но сомневаемся по той же морозной причине: за два часа сексуальные позывы на морозе в двадцать градусов гаснут – это вам любой доктор скажет. Ну, а если без шуток, что это все означает?

Лидочка ничего не придумала и, конечно же, не догадалась связать восточного человека с утренними событиями и выстрелами у подъезда.

Толпа пассажиров внесла ее в метро – каждый третий волочил трехцветную пластиковую сумку размером с молодого бегемота, но больше весом, остальные тащили тележки с двумя-тремя сумками. Притом все спешили и сердились на Лидочку, которая ничего не волокла и не толкалась.

Какого черта он за ней гонялся?

В вагон метро она забралась предпоследней – за ней влез амбал с чемоданом. Он нажал чемоданом Лидочке на живот, и она стояла целую остановку, прижавшись к чемодану.

Он хотел ее убить? За что же можно ее убить?

На «Белорусской» из вагона выплеснулось несколько тысяч мешочников, и все одновременно принялись штурмовать эскалатор метро. Спрятанная в стеклянном стакане у подножия эскалатора дежурная кричала в микрофон, чтобы пассажиры не ставили тележек на ступеньки, потому что их колеса заклинивает между ступеньками и происходят аварии. Когда Лидочка была на полпути к выходу, эскалатор неожиданно остановился, все повалились вперед, и люди начали сердиться на дежурную за то, что она сглазила, другие – проклинать торгашей. Затем все стали подниматься пешком на высоту десятиэтажного дома. Когда до выхода с эскалатора оставалось двадцать ступенек, эскалатор без предупреждения рванул вперед и снова все, кто на нем были, повалились, но назад.

Лидочка, избитая, на ватных ногах, вышла из метро.

Сколько же можно мучить русскую соломенную вдову? В нее стреляют, за ней бегают, ее сбрасывают с эскалатора. Ну и денек...

Совсем уже стемнело, лед вокруг Белорусского вокзала был покрыт замерзшей грязью и скользкими кусками картонных ящиков. Последние торговки выкрикивали что-то у киосков, милиция уже ушла по домам, мелкие бандиты вытащили на мостовую столики со стаканчиками – завлекать приезжих идиотов игрой в наперстки. Лидочка скользила по буграм черного льда и замерзшим хлопьям картона.

Глава 3

Допрос

Лидочке ничего не снилось. Как провалилась в сон, вымывшись с дороги, так и вывалилась из него, от телефонного звонка.

Красавец Андрей Львович говорил с ней, как со старой приятельницей.

– Проснись, красавица, проснись, – заявил он, – открой сомкнуты негой взоры. Узнали меня?

– Пушкин, – уверенно ответила Лидочка.

– Нет, я серьезно, – сказал лейтенант.

– И я серьезно, Александр Сергеевич.

– Андрей Львович, – поправил ее лейтенант. – Ну ничего, со временем привыкнете к моему голосу.

– Это что, угроза? – поинтересовалась Лидочка.

– Мало ли что может случиться? – ответил лейтенант. – От врачей и милиции не отказываются.

Лидочке хотелось спать, глаза не открывались. Даже угроза постоянных встреч с милицией ее окончательно не разбудила.

– Вы меня слушаете? – спросил лейтенант.

– С трудом, – призналась Лидочка.

– Мне надо с вами поговорить, – сказал лейтенант. – Я сейчас как раз собрался в отделение, по дороге вас захвачу.

– У вас «Мерседес»? – спросила Лидочка, проникаясь отвратительным чувством беспомощности перед роком в лице милиционера. Ее самый сладкий утренний сон вот-вот будет добит.

– Нет, на своих двоих, – сказал лейтенант.

– Тогда я сама найду к вам дорогу. Часа через два.

– Часа через два я буду на другом объекте, – сказал лейтенант. – А мне надо записать ваши показания. Следовательно мне не простит, если их в протоколе дознания не будет. Так что вставайте, вставайте. Я у вас через...

– Два часа! – закричала в трубку Лидочка.

– Через двадцать пять минут! – лейтенант дьявольски захохотал и бросил трубку.

Лидочка поняла, что Андрей Львович сдержит свое слово. Пришлось вставать, так и не выспавшись и не изгнав из себя вчерашние страхи и переживания. Причем утром они приняли странную форму. Войдя на кухню, Лида хотела подойти к окну, но не посмела – ей стало страшно. Ноги буквально прилипли к полу – сказалась замедленная реакция на вчерашние события. Голову ломило так, словно Лидочке уже исполнилось сто лет, хотя это было неправдой. Она заставила себя сделать крепкий кофе. И пока была в ванной, кофе убежал.

...В дверь позвонили. Лидочка поглядела в глазок. Никогда раньше не глядела в глазок, а на этот раз поглядела. Подумала, что пора бы Андрею позвонить из Каира, хоть они и не договаривались о таком звонке – жили по принципу много и часто ездящих людей: если вестей нет, это хорошие вести. Как только случается беда, о ней сразу становится известно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.